

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

8 января. Проходилъ мимо одного учрежденія, здавѣями котораго заставлена цѣлая площадь. Вижу начальническое шествіе. Спросилъ у сторожа имена начальниковъ.—Шольдкнехтъ и Гринвальдъ—быль отвѣтъ.

— А какіе же другіе начальники? — обращаюсь съ вторичнымъ вопросомъ.

— Баронъ Гюне и Обермиллеръ, — сказываетъ вопрошаемый.

— Да неужели у васъ нѣтъ начальства съ русскими фамиліями?

— Были двое, да уѣхали на фронтъ.

„Биржевыя Вѣдомости“ ²⁾ приводятъ возмутительный фактъ обращенія германцевъ съ однимъ изъ либавскихъ жителей.

„Студентъ С., явившійся къ либавскому коменданту, имѣлъ смѣлость указать германскому полковнику, что группа либавскихъ интеллигентовъ, выгнанная нѣмцами на работы по осушенію болотъ, признаеть зтотъ актъ совершенно противозаконнымъ, нарушающимъ международное право. Депутата нѣмцы сначала подвергли тѣлесному наказанію, а затѣмъ въ теченіе трехъ сутокъ привязывали къ столбу, устроенному въ видѣ креста, на которомъ распятый дождень былъ висѣть по два часа. Наконецъ, послѣ трехдневныхъ пытокъ, приговорили его къ мѣсячному заклю-

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ мая 1916 г.

²⁾ „Бирж. Вѣд.“, 8 января 1916 г.

ченію въ тюрьмѣ, но привести послѣдняго наказанія въ исполненіе не могли, такъ какъ вынуждены были отправить С. послѣ распятія въ лазаретъ”.

Передаютъ, что знаменитый въ Петроградѣ членъ городской управы Голубковъ выбралъ на должность завѣдующаго Петроградскимъ газовымъ заводомъ г. Ваксмана, недавно принявшаго русское подданство и удаленнаго изъ газоваго общества 35 года за свои гермаофильскія симпатіи.

Сообщаютъ интересныя новости по устройству перевязокъ и антисептики во Франціи ¹⁾:

„Въ засѣданіи 2 ноября нынѣшняго 1915 г. парижской медицинской академіи русской докторъ Розенблитъ одѣлалъ сообщеніе о придуманномъ имъ аппаратѣ, который является упрощеніемъ и усовершенствованіемъ аппарата Дельбе. Онъ беретъ свинцовую трубку отъ гааа, которую вставляетъ въ каучуковую трубку, концы которой длиннѣе свинцовой. Концы каучука прикрѣпляются къ металлическимъ кольцамъ, которыя помѣщаются ниже и выше переломовъ. Трехъ или четырехъ трубокъ достаточно, чтобы держать въ неподвижности переломанную часть члена. Чтобы приготовить такого рода повязку, достаточно двухъ минутъ, и обходится она очень дешево. Суставы остаются свободными, и больной съ такой повязкой чувствуетъ себя очень хорошо. Аппаратъ д-ра Розенблита представляетъ еще то преимущество, что легко применимъ при перевозкѣ раненыхъ съ переломами, избавляя ихъ отъ лишнихъ страданій. Его можно наложить на павталоны, на рукавъ, не мучая больного и, удерживая переломанный членъ въ неподвижности, устранить боль отъ тряски на ухабахъ и т. д.

Въ послѣднее время въ парижскихъ госпиталяхъ стали употреблять хлористую магнезію, какъ антисептическое средство при леченіи ранъ. Д-ръ Розенблитъ сталъ первый употреблять его, именно съ прошлаго марта, въ военномъ госпиталѣ при лицѣ Жансонъ-де-Сайльи. Въ сообщеніи, сдѣланномъ имъ медицинской академіи, онъ приводитъ результаты своихъ наблюденій надъ множествомъ больныхъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“, 8 января 1916 г.

Онъ употреблялъ растворъ хлористой магнезіи (12 на 1.000) и всегда наблюдалъ, что рубцованіе ранъ совершается гораздо скорѣе, чѣмъ при употребленіи другихъ антисептическихъ средствъ. При этомъ устраняются нагноеніе и цитолізъ (разрушеніе здоровыхъ клѣтокъ).

По наблюденіямъ д-ра Розенблита, подкожныя впрыскиванія хлористой магнезіи очень дѣйствительны противъ ревматизмовъ и ложныхъ ревматизмовъ.

Снарядъ 3 дюйм. легкаго полевого орудія стоитъ 21 рубль, а снарядъ 16 дюйм. орудія 2.600 рублей, а самодвижущаяся мина 18.500 рублей¹⁾.

9—12 января. По словамъ прибалтійскихъ газетъ, на время военнаго положенія изъ Прибалтійскаго края высланы пасторы Пауль Платъ, Густавъ Эрнъ, Іоганнъ Вальтеръ, Іосифъ Мери и нѣмецкіе дворяне: эстляндскій помѣщикъ баронъ Густавъ фонъ-деръ-Паленъ, эзельскій помѣщикъ Георгъ фонъ-Шмидтъ, Вольдемаръ фонъ-Шульманъ, помѣщикъ Карлъ фонъ-Іесенъ, инженеръ-технологъ Отто фонъ-Крейслеръ и директоръ судостроительной верфи въ Мюльграбенъ Карлъ Цизе.

У нѣмцевъ появился новый беспощадный врагъ—волки, изгнанные во время боевъ изъ Бѣловѣжской пуши и распространившіеся по всей почти Гродненской и части Виленской губерніямъ. Впервые волки появились вблизи мѣстечка Орля, Гродненской губерніи. Здѣсь стая волковъ напала на нѣмецкій кавалерійскій отрядъ, состоявшій изъ сорока человекъ. Испуганные неожиданной встрѣчей, Нѣмцы стали убѣгать къ мѣстечку, все время стрѣляя въ волковъ. Разорвавъ восьмерыхъ отставшихъ, волки бросились за остальными въ мѣстечко. Здѣсь нѣмцы встрѣтили ихъ стрѣльбой изъ ружей и даже пулеметовъ. Въ общемъ, во время этого нападенія пострадало около 20 человекъ какъ солдатъ, такъ и жителей мѣстечка. Не менѣе грозное нападеніе волковъ на германскій обозъ произошло на пути между Орлей и Клешемъ. Здѣсь волки растерзали

¹⁾ „Русск. Инв.“, 8 января 1916 г.

нѣсколько лошадей и солдатъ. Одна изъ стаи волковъ появилась у Бѣльска, вызвавъ страшную панику въ городѣ. Жители боялись выходить на улицу, магазины были закрыты. Волки появлялись также въ Островѣ, Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи, гдѣ напали на расквартированныхъ тамъ нѣмцевъ. Три солдата и нѣсколько лошадей были совершенно растерзаны. Тамъ же волки уничтожили много реквизированнаго скота. Нѣмцы энергично борются съ волками. Часто въ лѣсахъ устраиваются облавы на нихъ. Обыкновенно нѣмцы влѣзаютъ на дерево, а жителей заставляютъ нагонять волковъ. За поимку или убійство волка назначается награда въ сто марокъ. Изъ страха передъ волками во многихъ мѣстахъ часовые дежурятъ на чердакахъ или крышахъ. Передвиженіе обозовъ въ сферѣ дѣйствій волковъ по ночамъ запрещено („Кіевл.“).

М. Доманскій въ „Русскомъ Инвалидѣ“¹⁾ рассказываетъ слѣдующее интересное событіе:

„Дѣло происходило въ концѣ ноября прошлаго года на одной изъ крупныхъ узловыхъ станцій занятой сейчасъ противникомъ полосы, часовъ въ семь вечера.

Я сидѣлъ въ ожиданіи поѣзда въ залѣ перваго класса.

Вдругъ въ залъ съ громкимъ непринужденнымъ разговоромъ и смѣхомъ входитъ компанія въ семь человекъ германскихъ и австрійскихъ офицеровъ. Не отдавъ чести ваходившемуся въ залѣ артиллерійскому полковнику, офицеры заняли мѣста за приготовленными имъ заранѣе приборами, закурили сигары и, не переставая громко смѣяться, принялись за обѣдъ.

Послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ, правда, по-нѣмецки, но все же громко и въ достаточной степени рѣзко выразить неудовольствіе, что нельзя получить не только вина, но даже пива, артиллерійскій полковникъ не выдержалъ и приказалъ сопровождавшему нѣмецкихъ офицеровъ подпрапорщику немедленно убрать ихъ изъ зала.

Выяснилось, что офицеры въ этотъ день прибыли на питательно-эвакуаціонный пунктъ, находящійся верстахъ въ трехъ отъ станціоннаго аданія. Завѣдывающій пунктомъ по просьбѣ плѣнныхъ офицеровъ не только разрѣ-

---

¹⁾ „Русск. Инв.“, № 10 1916 г.

шилъ имъ пообѣдать на вокзалѣ, но лично заказалъ по телефону станціонному буфетчику обѣдъ, а для доставки офицеровъ на вокзалъ и обратно предоставилъ въ ихъ распоряженіе паровозъ съ класснымъ вагономъ⁶.

Ходятъ по городу печальные слухи о мирныхъ переговорахъ черногорцевъ съ австрійцами и о капитуляціи черногорской арміи. Неужели это правда?

„Norddeutsche Allgm. Ztg.“ выступила съ пространной статьей, въ которой взаимоотношенія между Германіей и Россіей излагаются въ исторической послѣдовательности. Назначеніе статьи—выявить, сколь благородна Германія, и сколь велика черная неблагодарность Россіи.

Излагая исторію перваго балканскаго союза, германскій офиціозъ пытается убѣдить своихъ читателей въ томъ, будто русская дипломатія, создавая этотъ союзъ, тайно ковала козни противъ Австріи.

Далѣе органъ канцлера припоминаетъ, что Германія оказывала Россіи неоцѣнимыя услуги въ японской войнѣ и неоднократно протягивала руку дружбы, отвергнутую Россіей ради Англій.

Въ заключеніе офиціозъ выступаетъ съ сенсацией совершенно смѣхотворной, увѣряя, будто кайзеръ оказалъ огромную услугу русской демократіи и содѣйствовалъ въ Россіи конституціи. Газета утверждаетъ, что столь распространенное среди русской интеллигенціи мнѣніе, будто кайзеръ поддерживалъ въ Россіи реакцію,—не болѣе какъ злостный вымыселъ.

— Такъ рухнула вѣковая традиціонная русско-германская дружба.—патетически заканчиваетъ офиціозъ,—и вина въ этомъ всецѣло падаетъ на Англію.

Нѣмецкій офиціозъ, проливая эти крокодиловы слезы, совершенно забылъ упомянуть ту статью Тильзитскаго трактата 1807 года, гдѣ сказано, что, въ уваженіе просьбы Россійскаго Императора, Императоръ Франціи оставляетъ прусскому королю его владѣнія. Она забыла освобожденіе Германіи въ 1813 году русскими войсками, забыла созданіе Россіей Германіи въ 1866 и 1870—71 гг.

Намъ эти крокодиловы слезы урокъ,—не проливать русской крови за чужіе интересы.

Что же остается сказать Россіи про гнусную и наиподлѣйшую имѣну славянской Болгаріи противъ ея освободительницы отъ турецкаго ига, Россіи. Думается, что перевернулся въ гробу Царь Освобдитель Болгаріи.

По распоряженію военныхъ властей высланы изъ Прибалтійскаго края на все время войны германскіе подданные¹⁾: Вѣра Фростъ, инженеръ Пауль Діѳке, эзельскій помѣщикъ Георгъ фонъ-Шмидтъ, начальникъ Ливастовской почтовой станціи карлъ Весбергъ, кегельскій пасторъ Густавъ Эрнъ, аренбургскій лѣсничій Эйшемъ Вундельбургъ, пасторъ Іоханесъ Вальтеръ съ острова Эзеля, пасторъ Іозефъ Мери съ острова Моонъ, главноуправляющій имѣнія Эхносъ — Карлъ Ситке, директоръ судостроительнаго завода Карлъ Цизе — германскій подданный, инженеръ технологъ Отто Крейслеръ, владѣлецъ им. Унгернъ Карлъ Іессенъ, представитель Мюльграбенской верфи Теодоръ Хехке, изъ Галсальскаго округа Фридрихъ Кигенбилъ, главноуправляющій имѣніемъ Патгасъ Вольдемаръ фонъ-Шульманъ, лѣсопромышленникъ германскій подданный Робертъ Мронговіусъ, влад. им. Веймель, въ Эстляндской губ., баронъ Густавъ фонъ-деръ-Паленъ, пасторъ Гойскальскаго округа Пауль Платъ, главноуправляющій им. Чевлейги Везенбергскаго округа Фердинандъ Гоффманъ.

13—14 января. Передаютъ, что скоро соберется комиссія для разработки закона объ отмѣнѣ привилегій прибалтійскаго дворянства и что въ качествѣ сѣдушихъ лицъ въ комиссію приглашены сенаторы Нолькенъ, Трапзе и присяжные повѣренные Альбертъ и Опель.

При настоящемъ настроеніи къ прибалтійцамъ предержавшихъ, прогрессивнаго блока въ Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ петроградскій обыватель считаетъ эту комиссію мертворожденнымъ дѣтищемъ.

Среди нашихъ сѣрыхъ героевъ зачастую являются при рожденные юмористы. Одну изъ такихъ характерныхъ сценъ въ окопахъ приводитъ г. Смольяниновъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“, 12 января с. г.

„Шагахъ въ тридцати отъ Мирончуа въ блиндажѣ для санитаровъ шла оживленная бесѣда. Душой ея были Калинковъ. Около него собралась цѣлая ватага солдатъ, главнымъ образомъ молодыхъ, которые жадно вслушивались въ его остроты и хохотали отъ нихъ до слезъ, до изступленія. Не было такой пословицы, присказки, которой бы не зналъ этотъ безшабашный весельчакъ; старики, запасные, его не любили, считая, что онъ ломается и паясничаетъ.

— Ишь, нецутевый,—ворчалъ, бывало, тотъ же Мирончъ,—пакостничать бы только тебѣ, да лясы точить,—но Калинковъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ свою роль постоянного забавника.

Казалось, забава была его принаваніемъ. Подвижное лицо, съ некрупными, но рѣзкими чертами, обладало удивительнымъ даромъ преображаться. Рассказывая что-нибудь смѣшное, было ли это подлинное происшествіе, или его вымыселъ, онъ всегда игралъ лицомъ, „рожи строилъ“, какъ говорили старики; и, въ этихъ его „рожахъ“ нельзя было не признать корявой старушенки, поднимающей съ пола двугривенный, страшика, врушаго бабамъ про чудеса и видѣнія, которыхъ онъ будто бы гдѣ то сподобился, или, наконецъ, самаго урядника въ пору его сватовства,—все, что требовалось, по ходу рассказа, отражалось на этомъ истинно-актерскомъ лицѣ съ замѣчательной четкостью. Только глаза—овальные, выпуклые, нѣжнаго голубоватаго оттѣнка, неизмѣнно свѣтились плутоватою улыбкой. Приходъ Ползункова прервалъ какой-то рассказъ Калинкова, который слушали очень внимательно.

— А дальше-то что?—спросилъ кто-то изъ угла, когда, оглядѣвшись по сторонамъ, Калинковъ, увидѣвъ Ползункова, снова повернулся къ слушателямъ.

— Думалъ, старикъ какой... Вотъ, ребята, какъ саратовская барышня про любовь рассказываетъ... Эй, которые здѣсь саратовскіе, подскакивай, щекотать буду!

Молодежь уставилась на Калинкова, который живо весь подобрался какъ-то, собралъ губы въ пучокъ, закатилъ глаза, поджалъ руки, словомъ, изобразилъ настоящую мѣщанскую жеманницу и началъ рассказывать тоненькимъ, дѣланымъ голосомъ:

— Вотъ, сидю я у окна и помадю голову... Ахъ!... Глядь, идетъ милый мой въ пальтѣ, съ папирской во ртѣ... Перешель по мостѣ, да и говоритъ ко мнѣ: „Не хотится ли вамъ пройтись, идѣ мельница вертится?“ — „Нѣтъ, мерск

вась, не хотится“.—„Не хотится, какъ хотится, я одинъ могу пройтиться, идѣ мельница вертится“...

Кругомъ захохотали, но на этомъ веселье и кончилось. Прибѣжалъ заводной и громко крикнулъ:

— Живо, всѣ по мѣстамъ!

Нѣмцы начали стрѣлять по окопамъ. Компания разбелась.

Когда затѣмъ послѣ перестрѣлки привели въ окопъ плѣнныхъ нѣмцевъ, то этотъ же самый балагуръ посадилъ самага жалкаго и стараго изъ плѣнныхъ на свое мѣсто у костра, отрѣзалъ ему большой ломоть хлѣба, намазалъ саломъ и протянулъ ему чуть не подъ самый носъ¹⁾.

Невольно напрашивается вопросъ, былъ ли хотя одинъ германецъ, который подобнымъ же образомъ поступилъ съ нашимъ плѣннымъ.

Одна изъ родственницъ петроградскаго обывателя устроила на своей квартирѣ въ Царскомъ офицерскій лазаретъ.

Идетъ одинъ изъ раненыхъ этого лазарета по городу и встрѣчаетъ по дорогѣ лицо, важно идущее, точно проглотившее палку, съ усами, закрученными, какъ у самага кайзера.

Когда лицо миновало офицера, то послѣдній обратился съ вопросомъ къ стоявшему на посту городовому—кто это. „Потомственный нѣмецъ“, послѣдовалъ отвѣтъ городского.

Германцы затѣваютъ еще новыя, грязныя дѣла. Они стараются оклеветать тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые шли противъ германцевъ: у скоропостижно скончавшагося въ Голландіи германскаго консула Людвигъ Бергшмидта найденъ чрезвычайно страннй циркуляръ. Это—анонимная бумага, неяснво къмъ и гдѣ изданная, но въ то же время опредѣленно „предписывающая“ консулу собирать „интимныя и компрометирующія подробности изъ жизни лицъ, ведущихъ антинѣмецкую агитацію“¹⁾.

Саратовскій губернаторъ С. Д. Терскій, открывая губернское земское собраніе, усиленно рекомендовалъ земскимъ

¹⁾ „Веч. Вр.“ № 1300 с. г.

гласнымъ слѣдующій новый способъ борьбы съ дороговизной ¹⁾).

Новый способъ, передаетъ „Сар. Лист.“, „это свободная конкуренція общественныхъ учрежденій. Въ Саратовской губ. онъ уже испробованъ. Въ Вольскѣ городъ устроилъ мясную лавку, и цѣна сразу понизилась на 5 коп. въ фунтъ и не повышается съ тѣхъ поръ. Въ Балашовѣ устроена городская хлѣбопекарня, и ржаной хлѣбъ продается по 3 коп. фунтъ, а себѣ стоитъ 2³/₄ коп. Моя первая къ вамъ просьба устроить городскую хлѣбопекарню, городскія хлѣбныя и мясныя лавки. Если вы почему-либо на это не пойдете, то другой вопросъ о топливѣ, о дровахъ. Они вздорожали чрезвычайно. Если мясо, хлѣбъ и дрова будутъ подъ гнетомъ городской конкуренціи, цѣна на эти товары не можетъ искусственно быть повышена. Но я неоднократно уже говорилъ, что борьба со зломъ возможна только тогда когда зло будетъ признано самимъ обществомъ и общество пожелаетъ бороться съ нимъ. И съ удовольствіемъ буду посредникомъ въ этой борьбѣ. Теперь настало время, когда всѣмъ надо сплотиться въ борьбѣ съ дороговизной. Если вы поможете мнѣ, если укажете, гдѣ и кѣмъ завивчиваются цѣны, гдѣ припрятаны товары, я ручаюсь, что всѣ ваши указанія будутъ приняты съ благодарностью, и я сдѣлаю все, что могу“.

Разсказывали, что одинъ изъ нашихъ летчиковъ въ прибалтійскомъ краѣ во время одного изъ полетовъ замѣтилъ въ одномъ изъ имѣній сильное профили укрѣпленіе, которое было замаскировано кустами и зеленью такъ искусно, что могло быть обнаружено лишь сверху. О замѣченномъ летчикъ доложилъ начальству и черезъ нѣсколько дней скоропостижно скончался.

Приводимъ изъ корреспонденціи Смольянинова одно изъ позорныхъ германскихъ дѣяній для россійскихъ защитниковъ прелестей германской культуры.

„Ночь была на рѣдкость тихая. Луны не было. Солдаты, смѣясь, говорили, что она „осталась въ обозѣ второго разряда“. Отблескъ свѣга, однако, скрадывалъ полный мракъ

¹⁾ „Нов. Вр.“ 14 янв. с. г.

и, сриглядѣвшись, я уже различалъ впереди высокую темную стѣну, которой мнѣ представлялся В—скій лѣсъ, слившійся, впотьмахъ, съ услаждаемымъ садомъ.

У пѣмцель было очень шумно. Слышались пьяные голоса, какіе-то крики, ругательства въ перемежку съ „hoch“ и „hurra“, которые они орали всѣмъ скопомъ.

— Опять перепились.

— Да... Чего добраго полѣзуть...

— Въ такомъ-то видѣ пусть, пожалуй, лѣзуть?

— Это то все равно... не въ первый разъ ихъ такими видимъ... Спать, только, черти, не дадутъ, воиъ что досадно; мнѣ, какъ на зло, сегодня спать хочется. Что это у нихъ — бабы?

— Ну?..

— Послушай!..

Насторожившись и сдвинувъ на затылокъ папаху, чтобы освободить уши, почти закрытыя ею, я, дѣйствительно, услышалъ женскіе голоса.

— Не можетъ быть... Это вамъ, вѣрно, кажется, — сказалъ я, не довѣряя своему слуху. — Въ зимнюю ночь и въ такой обстановкѣ, когда нервы сразу какъ-то особенно напрягаются, можно „услыжать“ все, что подсказутъ.

— Какъ, не можетъ быть? Слышишь, слышишь: плачуть?..

На этотъ разъ голоса мнѣ послышались яснѣе, и среди общаго гама дѣйствительно, какъ будто бы, выдѣлялся плачь.

— Что за чортъ!..

— Гуляютъ они, ваше в—іе, — замѣтилъ шопотомъ сгрѣлокъ, вылѣзшій изъ окопа слѣдомъ за нами.

— Нѣтъ, ты слышишь теперь?

— Такъ точно, ваше в—іе, — давно это у нихъ.

— Что?

— Да бабы-то клохочуть... Потѣху себѣ сдѣлалъ... Тѣфу!

И стрѣлокъ съ такимъ омерзвѣшемъ сплюнулъ, что вся ненависть, накопившаяся въ его душѣ къ „проклятому“, кажется, не могла бы быть выражена рѣзче и сильнѣе.

— Надо бы ихъ попугать, — замѣтилъ товарищъ, — но въ это время рѣзкій, пронзительный крикъ до того остро, до того болѣзненно прозвучалъ въ ушахъ, что картина дикаго изувѣрства, творившагося, очевидно, *тамъ*, стала ясна.

— Ахъ сволочи этакія! — злобно вырвалось у товарища, — и онъ сразу же прыгнулъ мимо лѣстницы въ окопъ и скрылся въ блиндажѣ телефонистовъ.

Почти въ ту же минуту гдѣ-то впереди сухо треснулъ винтовочный выстрѣлъ. Выстрѣлъ былъ нашъ; нѣмцы не отвѣтили. Шумъ у нихъ, какъ будто, на мгновенье затихъ, но потомъ опять все по-старому.

Снова послышался выстрѣлъ, второй и, почти одновременно съ нимъ, еще два. Потомъ опять тишина... и ясный, неудержимый плачь женщины совсѣмъ близко, почти рядомъ.

— Кто стрѣлялъ?

— Въ секретяхъ это, ваше в—іе... Секретъ у насъ въ той сторонѣ, тамъ яминка есть, противъ прохода въ проводокъ, такъ въ ей, въ самой,—объяснилъ мнѣ стрѣлокъ.

Плачь слышался все ближе и ближе.

Глубокія, судорожныя всхлипыванія были дотога отчетливо слышны, что казалось мгновеньями, будто и фигура женщины съ вздрагивающими плечами, закрытымъ лицомъ, растерзанная и набитая, четко обозначается на свѣгу. Но взглядишься впередъ и кромѣ стѣны, которой надали кажется лѣсъ, ничего не видишь. По спинѣ пробѣгаютъ мурашки, сердце бьется сильнѣй, къ горлу подступаетъ злость... Хочется что-нибудь рвать, рѣзать, кинуть, чтобы не слышать этихъ надрывающихся рыданій и мучительныхъ стоновъ. Я спрыгнулъ въ окопъ и пошелъ искать товарища.

Онъ былъ у телефона.

— Ну, что?—спросилъ онъ, вѣшая трубку.

— Плачетъ.

— Тамъ?

— Нѣтъ... Здѣсь гдѣ-то... Близко... Пошли кого-нибудь посмотреть...

— Гм! Сволочи... Да, сейчасъ пошлю... Зайди ко мнѣ, я сейчасъ, только вышлю дозоръ.

Неуклюжій денщикъ, видя, что офицеры вернулись, снова засуетился у печки, принимаясь разогрѣвать чай, черный, какъ лакрица, и терпкій, какъ дубильная кислота.

— Ваше в—іе, можетъ, куру подать?

— А поди ты къ чорту съ твоей курой.

Тутъ было не до куръ. Дикая сцена насилія, мерещившаяся тамъ на воздухъ, преслѣдовала и здѣсь. На душѣ было мерзко и невыносимо тяжело. Товарищъ вернулся и молча сѣлъ рядомъ со мной на кровать, сколоченную изъ досокъ въ видѣ ящика, доверху засыпаннаго соломой. Мы сидѣли молча, подавленные безсильной злобой. Говорить

не хотѣлось, да и не о чемъ было. Да и какія слова пойдутъ на умъ, когда надо дѣйствовать, а это было для насъ невозможно.

— Можетъ быть, гаубичная ихъ обстрѣляетъ?—мрачно замѣтилъ товарищъ, поднимая голову и откидываясь къ стѣнкѣ, закрытой холстомъ, чтобы не просыпалась земля.

— Просиль?

— Да... Онъ обѣщаль. Только трудно мѣсто показывать точно... А по площади много снарядовъ уйдетъ.

— Чортъ съ ними!

Въ окопѣ, у блиндажа, кто-то завозился.

— Что тамъ?

— Бабу привели, ваше в—іе...

— Давай... веди сюда!

— Ступай, что ли... Стрѣлки дали дорогу.

Опять тотъ же плачь, тѣ же рыданія.

Наконецъ, сквозь низкую, узенькую дверь блиндажа еле протиснулась, съ непривычки, нагая фигура... Стрѣлки назвали ее бабой, но что женскаго можно было признать въ этомъ залитомъ кровью, истерзанномъ обликѣ человѣка?

Все тѣло ея, молодое, упругое, было избито и изодрано; буквально изодрано, потому что оно было сплошь покрыто глубокими царапинами, изъ которыхъ сочилась кровь. Мѣстами эти царапины были глубже и оканчивались рваной ранкой; клочья тѣла, съ вывороченнымъ наружу мясомъ, висѣли въ этихъ мѣстахъ и по нимъ медленно сбѣгала алая кровь. Она только-что вошла, а уже нѣсколько капель крови расплылось на полу блиндажа. Лицо ея было закрыто. Руки изодранныя, въ синякахъ, съ покраснѣвшими кистями, дрожали, какъ отъ электрическаго тока, мелкой непрерывной дробью... Обнаженная грудь, искусанная и избитая, покрытая черными кровоподтеками, тряслась отъ рыданій; поперекъ живота, внизу его, шель кровавый рубецъ.

— Фельдшера сюда, санитаря! Шинель мою дай... Срѣжь погоны.

Сумрачные стрѣлки засуетились. Фельдшеръ сначала было растерялся, хотѣлъ что-то сказать, но потомъ рѣшился и началъ зашивать эту сплошную рану, по привычкѣ, тутъ же промазывая кровоточащія мѣста іодомъ.

Жгучая боль вернула ей сознание, а съ нимъ и чувство стыда. Она открыла лицо, отвернулась отъ свѣта, съежилась и хотѣла свѣсть на полъ. Ее поддержали, завернули

въ шинель и усадили на какой-то обрубокъ, обычно служившій столомъ денщику.

Долго она не могла успокоиться. По крайней мѣрѣ, часъ или больше она просидѣла, какъ мумія, неподвижно, не поворачиваясь къ намъ лицомъ и трясая всѣмъ тѣломъ прежде чѣмъ съ ней можно было начать говорить. Она говорила по-польски, примѣшивая русскія слова, чтобы быть лучше понятой.

— Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы стали въ имѣннн у насъ, почти каждый день пьянство. Откуда они возятъ вино, знаетъ одинъ сатана... Какъ напьются, такъ у нихъ начинаются игры. То въ карты, то на биліардѣ, который они не разбили, какъ завяли усадьбу, а то соберутся и горлачатъ пѣсни. Одно время у насъ было тихо. Майоръ, который смѣнилъ прежняго, со своимъ батальономъ, былъ очень строга къ своимъ, насъ не трогать и не позволялъ своимъ... Но его скоро тоже смѣнили. Вотъ уже три недѣли, какъ у насъ живутъ эти черти-гвардейцы, которыхъ самъ чертъ выдумалъ на нашу погибель... Іезусъ-Марія, что они только дѣлаютъ! Въ усадьбѣ насъ было семь дѣвушекъ и три замужнихъ. Каждый вечеръ они таскали насъ въ домъ... держали по суткамъ... и только стыдомъ, позоромъ можно спастись отъ ихъ кожаной плети. О, эти плети, сколько я выдержала ихъ! Вотъ у меня рубцы... — Она распахнула шинель и показала нѣсколько широкихъ вадутыхъ рубцовъ поперекъ спины и по плечамъ.

— Меня все время звалъ къ себѣ одинъ... офицеръ... адъютантъ майора... Онъ долго шадилъ меня, я молила его, какъ Бога... и онъ былъ месннмъ... Но сегодня онъ вапился, и когда я опять стала просить его... онъ... набилъ меня плетью и бросилъ днннмъ солдатамъ... Я два раза теряла сознаніе... но четырнадцать я помню... Я помню ихъ... — изступленно закричала она, закрываясь руками.

Лицо ея, все въ синякахъ, закрывшихъ глаза, изодранное, какъ и тѣло, массой ссадинъ, съ надорваннымъ ухомъ, растрепанными волосами, слившимися отъ крови и грязи въ какія-то дикія пряди, — было ужасно.

— Какъ же вы попали сюда? Кто васъ выпустилъ изъ усадьбы?

— Они меня выгнали... Когда я очнулась, около меня былъ пьяный солдатъ... Я ударила его нзо всѣхъ силъ... Двое или трое накинулись на меня, сняли съ меня все до

послѣдней нитки и выбросили на проволочную сѣть... И когда я рвалась на вей, чтобы слѣзть на землю, они хохотали, но потомъ ушли... Имъ надоѣло... Потомъ я пошла сюда... По мнѣ стрѣляли... потомъ взяли и повели...

Все было ясно...

Мы молчали, не рѣшаясь сказать что-нибудь, послѣ этого страшнаго разказа⁴.

Съ 1-го включительно по 1-е января на Рижскомъ, Двинскомъ фронтахъ и въ Воляни производились съѣчки развѣдывательныхъ партій, полеты аэроплановъ и артиллерійская перестрѣлка, а въ Буковинѣ близъ Черновицъ происходили столкновения у воровокъ съ примѣненіемъ ручныхъ бомбочекъ.

За то на Кавказѣ дѣйствія были вполне успѣшны, мы отбили турокъ въ Приморскомъ направленіи, прорвали центръ турецкой арміи и докатились до Эрзерумскихъ фортовъ, захвативъ много орудій и свыше 3.000 пѣшихъ, взяли Кумъ-Кале, разбили турокъ въ Мелязгертскомъ направленіи и къ югу отъ оз. Урмія.

Наши миновосцы уничтожили 208 турецкихъ парусниковъ у береговъ Анатоліи.

16—18 января. На Крещенье въ г. Юрьевѣ былъ маскарадъ, на которомъ былъ юноша въ германской каскѣ. Этотъ юноша удостоенъ былъ призомъ серебрянымъ кубкомъ¹⁾. Вотъ какъ любятъ г.г. прибалты прусскую каску.

Интересный разказъ приводитъ наша сестра милосердія, бывшая въ германскомъ плѣну:

„Нашъ парѣдка командировали въ Варшаву за разными вещами для лазарета, и мы тамъ покупали. Одинъ разъ мы были тамъ свидѣтельницами тяжелой, но въ то же время сердечной сартивы. По улицамъ Варшавы вели двухъ нашихъ казиковъ, сильно раненныхъ, и вся рѣшительно публика забрасывала ихъ, кто деньгами, кто цвѣтами, не обращая вниманія на конвойныхъ, которые, видя общее сочувствіе мѣстнаго населенія, шли понуря голову, и только

¹⁾ „Нов. Вр.“ 16 января с. г.

торопили нашихъ несчастныхъ плѣнниковъ подвигаться скорѣе...“¹⁾

Изъ дѣйствующей арміи идутъ неизмѣнныя сѣтованія о недостаткѣ чтенія и для офицеровъ, и для солдатъ.

19 января. Усиленные движенія грузовъ во время войны создали на нѣкоторыхъ узловыхъ пунктахъ желѣзныхъ дорогъ такое скопленіе вагоновъ, которое грозило страшнымъ заторомъ всего желѣзно-дорожнаго движенія.

„Русское Слово“²⁾ въ интересной корреспонденціи г. Виалли передаетъ, какъ съ этимъ страшнымъ, надвигавшимся зломъ справились наши инженеры—Б. Д. Воскресенскій и его даровитые помощники:

„Московско-Курская дорога—едва-ли не главнѣйшая соединительная линія между Югомъ, хлѣбнымъ и горно-промышленнымъ, и райономъ: Москва—Петроградъ. Узлы этой дороги Курскъ и Орель принимаютъ движущіеся на сѣверъ потоки съ дорогъ: Южныхъ, Донецкой, Риго-Орловской и Юго-Восточныхъ.

Донецкій угольный бассейнъ, пшеничная область Дона, сахарозаводческая Украина, рыбный Каспій, соленыя озера царицынскаго района гнали потоки своихъ огромныхъ избытковъ по этой желѣзнодорожной артеріи въ Москву и Петроградъ.

На узлы Курскъ и Орель пала тяжелая желѣзнодорожная работа—сортировать, комбинировать поѣзда и пропускать всѣ эти дившіеся на сѣверъ вагонные потоки.

Кое-какъ функционирующіе и въ мирное время, эти узлы не выдержали великихъ испытаній, валоженныхъ войной. Работа оказалась не подъ-силу. Прибывшіе поѣзда простаивали на узлахъ по 25 часовъ. Агенты выбивались изъ силъ, мечась, какъ угорѣлые, по безконечнымъ запаснымъ путямъ, куда ежедневно забивались, гдѣ застывали грузы, и „мертвѣли“ новыя и новыя сотни вагоновъ. Заторы росли.

Вокругъ узловъ разстилались моря забитыхъ вагоновъ, разобрать которые становилось труднѣе съ каждымъ днемъ. Еще недѣля-другая,—и оба узла, казалось, будутъ закупо-

¹⁾ „Нов. Вр.“, 18 января с. г.

²⁾ „Русск. Сл.“, 19 января с. г.

рены лавѣки. Всѣ пути превратятся въ кладбище „мертвыхъ“ вагоновъ, и Московско-Курская дорога перестанетъ существовать.

Состояніе Московско-Курской дороги было не исключительнымъ.

Почти въ томъ же положеніи находились всѣ тѣ желѣзныя артеріи, съ тѣхъ которыхъ разносила по тѣлу страны живительные потоки вагоновъ.

Артеріи пѣмѣли. Приближалась роковая атрофія сосудовъ, грозящая параличомъ всякому живому организму.

Вотъ въ это страшное для страны время, лишь первые пароксизмы котораго волновали умы и желудки Москвы и Петрограда, группа инженеровъ Южныхъ дорогъ создала и провела въ жизнь идею „уплотненія“. Начальникъ Южныхъ дорогъ Б. Д. Воскресенскій и его ближайшій сотрудникъ С. К. Кудреватовъ—создатели этой идеи—сумѣли организовать вокругъ себя ту фанатическую группу „учениковъ“, безъ которой мертва для жизни всякая идея.

Тѣ отдались ей съ жаромъ истинныхъ „учениковъ“.

И Южнымъ дорогамъ выпала на долю великая историческая миссія—первымъ изъ всѣхъ россійскихъ дорогъ воцарить съ смертнаго одра.

Первые мѣсяцы воскрешенія дорогъ дали слѣдующіе разительные результаты:

Южныя дороги, при составѣ въ 31.000 вагоновъ, едва ли не острѣе всѣхъ чувствовавшія вагонный голодъ, вдругъ разгрузились... и захлебнулись отъ избытка вагоновъ.

У нихъ оказалось свободныхъ и совершенно лишнихъ для собственной надобности 10.000 вагоновъ.

Цѣлая треть вагоннаго состава оказалась излишней для дороги, всего за нѣсколько недѣль до этого не имѣвшей ни одного свободного вагона. Дорога прекрасно обходилась, не испытывая ни малѣйшихъ затрудненій, съ двумя третями прежняго состава.

Кризисъ Петрограда и Москвы продиктовалъ правительству счастливую идею—поручить Б. Д. Воскресенскому расчистить Московско-Курскую дорогу и зарядить топливомъ и продуктами Петроградъ.

Передъ забитыми и омертвѣвшими узлами Курскомъ и Орломъ, которые были уже на границѣ полнаго паралича, стала поистинѣ непосильная задача: 1) начать пропускъ тѣхъ грандіозныхъ угольныхъ потоковъ, которыми предназначено устремиться изъ Донецкаго бассейна на сѣверъ,

и 2) пропустить на югъ тотъ безконечный потокъ порожнихъ вагоновъ, который скопился въ Петроградѣ и по Николаевской дорогѣ.

Противники идеи заранѣе торжествовали.

Справиться съ „мертвымъ“ Курскомъ либо осушить „затопленный“ Орель представлялось смѣлой фантазіей мечтателя.

Воскресенскій осмотрѣлъ роковые узлы и сказалъ: „Справляюсь“.

Отрядъ инжеверовъ и другихъ желѣзно-дорожныхъ агентовъ Южныхъ дорогъ былъ командированъ въ Орель и Курскъ. Имъ поручено было не только пропустить черезъ „мертвые“ узлы угольные потоки, но и „разсосать“ самые узлы.

Вотъ имена этихъ агентовъ: В. С. Сотниковъ, В. А. Прокоповичъ, Я. М. Олейниковъ, И. О. Алексѣевъ, Л. А. Америковъ, И. К. Серафимовъ, А. А. Раіевичъ, В. М. Гевенко и С. П. Яковлевъ.

Агенты приступили къ работѣ. Черезъ 5 дней показались головы мощныхъ 50—60-ти вагонныхъ потоковъ чернаго золота. А уже черезъ 7 дней, когда „черная гусеница“ (желѣзнодорожное техническое выраженіе) правильными ритмическими кольцами протянулась отъ Донецкаго бассейна до Петрограда, широкое поле рельсовъ на курскомъ и орловскомъ узлахъ обнажилось. Невѣдомо куда исчезли тучи вагоновъ, которыя окружали станцію. Пути были свободны.

Какъ же произошло это желѣзнодорожное чудо, въ которое до сихъ поръ не могутъ повѣрить желѣзнодорожные классики?

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было при усилившемся въ нѣсколько разъ движеніи осушить тѣ моря вагоновъ, которыя непрерывно накаплились при слабомъ и все слабѣвшемъ движеніи?

Узлы не вмѣщали. Узлы не пропускали. И вдругъ не только пропустили, но и вытолкнули тотъ непролазный вагонный хаосъ, который одинъ для расчистки требовалъ не недѣли, а мѣсяцевъ непосильнаго труда всей станціи до послѣдняго человѣка. Отвѣтъ на это одинъ:

Узлы излѣчила „идея“.

Пусть это желѣзнодорожная и техническая специальность, но желѣзныя дороги стали слишкомъ острымъ вопросомъ для Россіи, чтобы общество имѣло право отмахнуться

отъ знакомства со спеціальностью. Мы слишкомъ долго отмахивались отъ реальностей, слишкомъ много уходили въ исказіе безплотныхъ, духовныхъ цѣнностей. Познакомимся хоть на этотъ разъ съ реальной практической идеей, тѣмъ болѣе что она, какъ мы увидимъ воочию, далеко не такъ суха и не такъ даже спеціальна, какъ это кажется нашему тонкому эстетическому уху.

Удивительная переоцѣнка расположенія къ Россіи славянскихъ народовъ произошла въ текущую войну. Куда улетѣли мечты славянофиловъ о томъ, что австрійскіе славяне не будутъ сражаться противъ русскихъ и класть передъ нами оружія. Особенно при перетвореніи австрійской арміи въ германскую—стали и славяне люто сражаться противъ насъ. Передаютъ, что отлично дерутся противъ насъ Чехи. Иллюзіи славянофильства разсѣялись какъ дымъ. Болгары покрыли себя несмываемымъ позоромъ, черногорцы не поддержали своей прежней репутаціи и некорректно пригнулись подъ пяту швабовъ и тевтоновъ. Осталась только одна героическая Сербія въ полномъ ореолѣ служенія славянской идеѣ. Несмотря на то, что Сербія, какъ страна завоеванная, опозорена швабо-тевтоно-болгарами, которые, отгѣснивъ превосходными силами сербскую армію, не могли ее уничтожить. И эта сербская армія въ предстоящемъ наступленіи союзниковъ на Балканскомъ полуостровѣ, по нашему мнѣнію, совершитъ великую роль. Она вдохнетъ свой могучій духъ въ войска генерала Саррайля и поведетъ ихъ къ несомнѣннымъ побѣдамъ.

Этотъ могучій духъ живетъ въ каждомъ Сербѣ, онъ его одухотворяетъ и совсѣмъ перерождаетъ. Это перерожденіе свершается не съ одними только Сербами, но и съ сербскими женщинами. Петроградскому обывателю пришлось слышать рассказы одной молодой сербской сестры милосердія, замѣчательной красавицы. Какъ перерождалось ея дивное личико, какъ сверкали брызгами ея глаза, какъ она мгновенно еще молодѣла и становилась красивѣй и красивѣй, когда говорила про свою страну, про ея страданія и про доблесть своей арміи.

19 января. Передаютъ, что американцы, стремясь къ усовершенствованію своего флота, въ одномъ изъ проектовъ предлагаютъ создать боевой сверхъ-дредноутъ такого типа, чтобы это было среднее между подводной лодкой и дредноутомъ, т. е. будетъ имѣть малую видимость и уничтожать ея недостатки. Судно это будетъ имѣть громадную скорость хода, значительное количество мивныхъ аппаратовъ, крупную артиллерію и будетъ имѣть характеръ полуподводнаго.

20—29 января. Былъ на концертъ въ лазаретъ Волжско-Камскаго банка, помѣщаемомъ на Садовой въ зданіи Николаевской Инженерной академіи въ томъ домѣ, гдѣ жилъ графъ Милютинъ. Служащимъ этого банка пришла прекрасная мысль устроить лазаретъ исключительно для контуженныхъ со всеми новѣйшими приспособленіями для леченія.

Изъ личнаго персонала лазарета, на взглядъ петроградскаго обывателя, особымъ расположеніемъ больныхъ пользовались врачъ кн. Чегодаева и сестры Иванова, Аригольдъ и Иковлева.

Латышка сестра Аригольдъ была инициаторшей и организаторшей концерта. Концертъ былъ организованъ замѣчательно интересно, а исполненіе было прямо блестяще. Кого только тутъ не было: пѣвцы и пѣвицы, пианисты и пианистки, скрипачки, артистки балета, а также виртуозная исполнительница музыкальныхъ произведеній свистомъ на губахъ.

Все исполнители доставили больнымъ и всемъ присутствующимъ истинное художественное наслажденіе.

Имена этихъ артистическихъ исполнительницъ и исполнителей слѣдующія: Андреевъ (теноръ), Аригольдъ (скрипка), Артамоновъ (теноръ), Висковатова (скрипка), Каринская (пѣвица), Лассъ. Марти (сопрано), Паптелѣвъ (баритонъ), Шаварскій (теноръ), Фокина (балерина) и др.

На Петроградскаго обывателя болѣе всего произвели впечатлѣніе: драматическій баритонъ артиста музыкальной драмы Паптелѣва, артистически исполнившаго арію изъ Хованщины. Демона, Лакма, романса Чайковскаго и Рахманинова, а также колоратурное сопрано г. Марти.

чудно воспроизводящей арію изъ оп. Тоска, романсы Рахманинова и Гліера.

Пріѣхавшая съ театра военныхъ дѣйствій въ Сербіи, уроженка Сербіи, рассказывала, что въ одномъ изъ Сербскихъ городовъ при занятіи его непріателемъ господя болгары, германцы и швабы устраивали по улицамъ города слѣдующія, увеселяющія ихъ подлѣя души развлеченія. Отъ одной стѣны улицы до другой эти негодяи протягивали веревку, какъ у насъ дѣлаютъ при украшеніи улицъ флагами и фонариками, а вмѣсто флаговъ и фонариковъ вѣшали трупики сербскихъ маленькихъ дѣтей.

Назначенъ новый предсѣдатель Совѣта Министровъ гофмейстеръ Борисъ Владиміровичъ Штюрмеръ

Приводимъ крайне поучительную и интересную статью Новаго (Времени ¹⁾) о закрытомъ недавно „Союзѣ евангелическо-лютеранскихъ и реформатскихъ юношей въ Россіи“. Союзъ этотъ, основанный въ 1910 году сенаторомъ графомъ К. К. Паленомъ и пасторомъ Финдейзенномъ и объединившій цѣлый рядъ отдѣльныхъ обществъ, разбросанныхъ широкой сѣтью по всей Россіи отъ Благовѣщенска до Митавы, Вильны и Одессы, является филиальнымъ отдѣленіемъ міровой организаціи „Всемирнаго союза обществъ юношей“, имѣющей свою резиденцію въ Швейцаріи. Какъ видно изъ отчета 1911 г., къ всемірному союзу примкнуло 11 русскихъ обществъ и 84 финляндскихъ, но есть основанія думать, что именно за послѣдніе годы число обществъ, вошедшихъ въ международный союзъ, значительно увеличилось. Представителемъ въ этомъ комитетѣ всемірнаго союза отъ Россіи состоитъ сенаторъ графъ К. К. Паленъ, а отъ Финляндіи отдѣльно проф. А. Гельтъ. На присоединеніе русскихъ обществъ къ союзу и на представительство ихъ въ жевевскомъ комитетѣ разрѣшенія въ законномъ порядкѣ не испрашивалось. Въ упомянутомъ отчетномъ году въ составѣ союза значилось всего 8.348 обществъ съ

---

¹⁾ Нов. Вр. 20 Апр. 1910 г.

896.747 членами и имуществомъ около двухъ миллиардовъ франковъ.

Цѣль всемірнаго союза молодыхъ людей по уставу его возвышенная и въ высшей степени симпатичная. Она заключается въ предохраненіи членовъ его отъ опасныхъ для нравственности вліяній и въ содѣйствіи ихъ религіозно-нравственному и умственному развитію. Способами же достиженія указанной цѣли признается изученіе Священнаго писанія и совмѣстное чтеніе его, бесѣды, лекціи, чтеніе назидательныхъ книгъ религіозно-нравственнаго и общеобразовательнаго содержанія, музыка, сообщеніе разныхъ полезныхъ свѣдѣній, а также физическія упражненія и экскурсіи. Въ этихъ видахъ во многихъ городахъ союзомъ содержатся учрежденія, которыя могли бы замѣнять или дополнять молодымъ людямъ семейный очагъ, споспѣшествуя самообразованію, разумнымъ развлеченіямъ, отвлекая ихъ отъ бессмысленнаго прожиганія свободнаго времени и отъ соблазновъ разврата. Организациа отдѣльныхъ обществъ во многихъ случаяхъ имѣетъ военный характеръ, выработавшійся на почвѣ гимнастическихъ упражненій и экскурсіи. Такъ, на примѣръ, въ Геттингенѣ весною 1911 г. устроены были военные маневры подъ управленіемъ офицеровъ дѣйствительной службы. Такіе же маневры, подъ наименованіемъ военныхъ игръ (Kriegsspiele), производятся почти всюду, особенно въ Германіи, гдѣ общества юношей получили весьма стройную и сильную организацию.

Однако наравнѣ со столь полезной и симпатичной дѣятельностью союза всѣ организации его болѣе или менѣе замѣтно служатъ еще побочнымъ, скрытымъ цѣлямъ, состоящимъ въ пропагандѣ идеи пангерманизма и въ поддержаніи связи съ духовнымъ „фатерландомъ“. Задачи эти достигаются въ весьма гибкихъ и разнообразныхъ формахъ. Тамъ, гдѣ, какъ на примѣръ въ Южной Америкѣ, нѣмецкое населеніе рѣдко и, вслѣдствіе слишкомъ большой племенной и религіозной разницы, стоитъ среди коренныхъ народностей совершенно изолированнымъ, союзъ не задается иными цѣлями, какъ только организацией и оплоченіемъ разбросанныхъ по всей странѣ Нѣмцевъ. Тамъ же, гдѣ высокая и крѣпкая культура народа-хозяина, какъ въ Англии и С. Америкѣ, создаетъ соблазнъ сліянія Нѣмцевъ съ окружающей ихъ средой, задачи союза прежде всего клонятся къ сохраненію ихъ національнаго самосознанія и къ поддержанію среди нихъ духовной связи съ Германіей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако въ этихъ странахъ, особенно же въ экзотическихъ колоніяхъ Англіи, гдѣ въ англійской расѣ чувствуются навѣстное пресыщенное переутомленіе, какъ результатъ интенсивной аристократической культуры, и вслѣдствіе этого нѣкоторое пренебреженіе къ своимъ интересамъ, союзъ оказываетъ и всемирное содѣйствіе къ экономическому захвату страны Нѣмцами, преимущественно путемъ поставки клерковъ въ торговыя фирмы. Въ странахъ, наконецъ, признающихъ гегемонію германской культуры, какъ въ Голландіи, Давіи, Швеціи, Норвегіи и отчасти Финляндіи, задачи союза значительно расширяются и помимо стремленія къ объединенію самихъ Нѣмцевъ и экономическимъ захватамъ, выражаются въ упорной работѣ по распространенію пангерманскихъ идей и германизации народовъ-хозяевъ, подразумѣвая подъ послѣдней конечно не превращеніе Голландцевъ или Датчанъ въ Нѣмцевъ, но подчиненіе ихъ духу германской культуры и воспитаніе ихъ въ добровольномъ признаніи главенства ея.

Цѣли, намѣченныя союзомъ въ Россіи, смѣшанныя. Съ одной стороны они состоятъ въ прямомъ овѣмечиваніи нѣкоторыхъ народностей, какъ Эстовъ и Латышей, съ другой въ насажденіи германской культуры, какъ въ Финляндіи, съ третьей наконецъ въ захватѣ экономической, а черезъ нее и политической власти. Кромѣ того союзъ преслѣдуетъ у насъ конечно и объединеніе и сплоченіе самихъ Нѣмцевъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ подданныхъ. Первые общества юношей были у насъ основаны въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Москвѣ и въ Митавѣ. Два изъ нихъ учреждены въ восьмидесятыхъ годахъ въ Ригѣ и въ Юрьевѣ. Но пока не существовало всемирной организаціи союза, дѣло видимо подвигалось туго. Зато съ началомъ вывѣшняго вѣка общества посыпались какъ изъ рога изобилія, покрывъ широкой сѣтью преимущественно Финляндію, Прибалтійскій край и Царство Польское и выдвинувъ свои форпосты въ Одессу, на Кавказъ и даже въ Амурскую область. Объединеніе въ особый російскій союзъ произошло, какъ уже сказано, въ 1910 г. Но судя по тому, что первое общее собраніе союза, состоявшееся въ Ревелѣ, въ нѣмецкомъ текстѣ его программы названо девятой конференціей, можно думать, что скрытое объединеніе отдѣльныхъ обществъ свершилось уже значительно раньше. Восемь предыдущихъ конференцій собирались въ теченіе 1896—1910 годовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края,

а одна въ Москвѣ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ предсѣдательствоваль гр. Паленъ. Но предсѣдателемъ перваго собранія союза, хотя дѣлопроизводство его и должно вестись на государственномъ языкѣ, былъ избранъ пасторъ Ганъ, совершенно не понимающій русскаго языка, и замѣна его другимъ лицомъ состоялась лишь по требованію правительственной власти. На собраніи присутствовалъ секретарь всемірнаго союза юношей Хр. Фильдіусъ, хотя уставомъ русскаго союза и не разрѣшается общеніе его съ однородными заграничными организаціями. Въ первый же день собранія была послана поздравительная телеграмма въ Нюрнбергъ открывшейся тамъ одновременно конференціи нѣмецкаго національнаго общества юношей.

Гермаофильствующій характеръ евангелическихъ обществъ сказывается, не смотря на ихъ международную вывѣску, повсюду. Одесское общество, борясь съ обрусительнымъ вліяніемъ среды, дѣлаеть особое постановленіе о помѣщеніи въ собраніи общества объявленія, предписывающаго разговаривать лишь на нѣмецкомъ языкѣ. Петроградское общество неоднократно приглашало для лекцій инспектора берлинской городской миссіи Лессера, устраивало сборъ на пужды лейпцигской миссіи, привлекало къ участию въ увеселительной программѣ преимущественно иностранныя силы. Характеръ устраивавшихся обществомъ чтеній, бесѣдъ и прочихъ сборищъ носилъ преимущественно тенденціозно-нѣмецкій оттѣнокъ.

Произведенная въ 1914 г. ревизія этого общества обнаружила, что бібліотека его содержитъ книги главнымъ образомъ нѣмецко-патріотическаго направленія, изъ нихъ нѣкоторыя явно враждебной Россіи тенденціи. Журналь, издаваемый обществомъ, ни однимъ словомъ не обмолвился по поводу нынѣшней войны. Требованіе устава о веденіи дѣлопроизводства на государственномъ языкѣ не соблюдалось и принимались лишь мѣры къ его фиктивному удовлетворенію. Языкомъ собраній, докладовъ и т. п. былъ исключительно языкъ нѣмецкій, несмотря на то, что въ числѣ участниковъ было не мало Эстовъ и Латышей, которые, однако, по характерному отзыву предсѣдателя должны быть достаточно знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ, какъ литературнымъ языкомъ культурнаго народа, принятымъ въ Россіи въ высшихъ учрежденіяхъ протестантской церкви. Исключенія изъ общества подданныхъ враждебныхъ

державъ вовсе не было произведено, а постановленіе о „выбытіи“ ихъ послѣдовало лишь во время ревизіи.

Генеральнымъ секретаремъ общества состоялъ швейцарскій гражданинъ Шопъ, на обязанности котораго лежалъ и объѣздъ всѣхъ обществъ союза съ цѣлью агитаціи и пропаганды.

Въ числѣ пожизненныхъ членовъ общества состоитъ одинъ анонимъ (NN), а среди пожертвованій значатся весьма крупныя суммы (напр. 10.000 руб.) отъ неизвѣстныхъ, что даетъ основанія предполагать, что общество пользовалось субсидіями изъ источниковъ, неудобныхъ къ огласкѣ. Изъ закрытомъ по требованію коменданта ревельскомъ обществѣ происходили событія уже явно компрометирующаго характера. Въ одномъ изъ евангелическихъ пристанищъ, имѣющихъ связь съ этимъ обществомъ, скрыто было послѣ начала войны пребываніе германскаго подданнаго и допущено жительство другого, занимавшагося шпионажемъ, въ верхнемъ этажѣ зданія, окна котораго выходятъ на море.

Надо однако отдать справедливость заправиламъ союза, что насколько его тяготѣніе къ Германіи и равнодушіе, если не враждебность къ Россіи, были явными, настолько же они были неуловимыми въ уголовномъ смыслѣ для государственной власти. Если не всѣ, то большинство его начинаній прикрывались надлежащими разрѣшеніями и пользовались покровительствомъ могущественныхъ лицъ. Такъ напримѣръ, союзъ съ самаго своего возникновенія придавалъ особое значеніе привлеченію въ свои вѣдра солдатъ. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ еще на первомъ собраніи союза въ Ревелѣ, но нѣкоторые члены по этому поводу указали, что привлеченіе солдатъ и матросовъ представляетъ на практикѣ значительное затрудненіе за несогласіемъ на это ихъ военнаго начальства. На это однако послѣдовало возраженіе со стороны одного изъ представителей петроградскаго общества, заявившаго, что въ Петроградѣ солдаты-протестанты собираются въ обществѣ каждое воскресенье съ разрѣшенія покойнаго помощника начальника округа ген. Газенкампа и что тамъ, гдѣ мѣстное начальство не даетъ подобныхъ разрѣшеній, слѣдуетъ обращаться съ жалобами непосредственно въ высшія сферы.

Неуловимость скрытыхъ тенденцій союза является впрочемъ характерной чертой всѣхъ организацій, преслѣдующихъ цѣли, предначертанныя всенѣмецкимъ союзомъ. Недаромъ въ уставѣ этого высшаго и руководящаго органа

пангерманской пропаганды красуется положеніе, въ силу котораго во виѣгерманскихъ странахъ члены союза могутъ собираться „въ другихъ формахъ и какъ бы для осуществленія иныхъ цѣлей“, маскируя такимъ образомъ свое родство и связь съ союзомъ.

При такихъ условіяхъ можно только приветствовать рѣшимость нашего правительства наконецъ покончить съ существованіемъ этого зловреднаго союза. Слѣдуетъ также надѣяться, что на опасность его дѣятельности обратитъ надлежащее вниманіе и наша союзница Англія, въ которой подпольная дѣятельность Нѣмцевъ развита не менѣе, чѣмъ у насъ“.

При чтеніи вышеприведенной статьи петроградскаго обывателя преслѣдуетъ неотвязчивая мысль, какъ могъ возникнуть и быть узаконеннымъ и распространеннымъ почти до милліона сочленовъ такой союзъ. И ему кажется, что отвѣтъ долженъ быть такой — „только при могущественномъ содѣйствіи г.г. прибалтійцевъ“. Думается, что ежели у насъ тщательно копнуть различныя якобы спортивные общества, то пожалуй къ указанному выше союзу присоединится еще не мало сочленовъ.

Во время войны, когда желѣзнодорожные пути и узлы отъ необычайнаго движенія грузовъ забивались вагонами, образовались ужасающіе заторы вагоновъ и когда этому злу стали усильно способствовать злоупотребленія желѣзнодорожныхъ агентовъ и грузоотправителей, тогда только рѣшились желѣзнодорожныя власти принять рѣшительныя мѣры къ устраниенію этого страшнаго зла.

Они рѣшили привлечь для этой цѣли дивную голову путейскаго инженера Б. Д. Воскресенскаго и его помощниковъ, сначала для разгрузки пробокъ въ Орлѣ и Курскѣ, какъ это у насъ было отмѣчено много разъ. Сущность этой „революціи на рельсахъ“, прелестно изложенная въ статьяхъ Г. Вилли въ „Русскомъ Словѣ“, заключалась въ слѣдующемъ: 1) увеличеніи числа товарныхъ вагоновъ въ поѣздѣ, 2) постановкѣ оставшихся на узловыхъ станціяхъ вагоновъ по порядку прибытія, на запасныхъ путяхъ опредѣленнаго направленія, 3) быстрой пошникѣ вагоновъ поѣзда не въ мастерскихъ, а на рельсахъ, во время стоянки поѣзда на станціи и выполненіи въ это время всѣхъ желѣзнодорожныхъ манипуляцій.

Оказалось, что наши паровозы серіи О возили только 51 т. пуд., а паровозы серіи П до 62 т. пудовъ. Воскресен-

скій находилъ, что это мало и въ первомъ случаѣ уплотнили поѣзда до 61 т. пуд. и во второмъ до 75 т. пуд., прицѣпляя на особенно тяжелыхъ подъемахъ особые запасные паровозы толкачи, которые сзади подталкивали утяжеленный поѣздъ и затѣмъ его оставляли и дожидались въ извѣстномъ мѣстѣ слѣдующаго поѣзда. Одна эта мѣра могла доставить нашей сѣти дорогъ 150 т. вагоновъ.

Второй капитальнѣйшій неурядокъ былъ устраненъ талантливѣйшими инженерами такимъ образомъ: извѣстно, что вагоны каждаго поѣзда распределяются въ порядкѣ станцій назначенія. Вагоны, назначенные на ближайшія станціи, идутъ въ головѣ, и по прибытіи на станцію паровозъ отводитъ вагоны, предназначенные на эти станціи, на запасный путь и, взявъ на станціи уже груженые вагоны и поставивъ ихъ въ свои мѣста, слѣдуетъ съ остальными далѣе по назначенію. По принятымъ на желѣзнодорожной службѣ порядкамъ на узловой станціи должно было находиться такое число вагонныхъ парковъ, которое соответствовало количеству направленія путей отъ узла. Каждый поѣздъ обрабатывался въ томъ паркѣ, который соответствовалъ тому направленію, въ которомъ долженъ слѣдовать отъ узловой станціи. Когда поѣздъ отправлялся со станціи, то въ покинутомъ имъ паркѣ оставались вагоны всѣхъ остальныхъ направленій, которые особый маневренный поѣздъ долженъ былъ перевести въ остальные парки. Въ мирное время такая обработка была возможна, а въ военное время разобрать по своимъ паркамъ вагоны было очень трудно, а зачастую почти невозможно, и на узловыхъ станціяхъ парки такъ забивались вагонами, что они стояли по нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда и представлялось широкое поле для аппетитовъ не дояльныхъ желѣзнодорожныхъ агентовъ и товаротправителей. Такова главная причина желѣзнодорожныхъ пробокъ въ узловыхъ станціяхъ. Это событіе больно отозвалось по всей Руси. Казалось, что этихъ залежей грузовъ не представится возможнымъ устранить. Талантливые инженеры разрѣшили дѣло разгрузки на узловыхъ станціяхъ очень просто.

Вмѣсто цѣлыхъ парковъ, реформаторы отвели лишь по одному запасному пути для каждаго направленія.

Прибывая съ поѣздомъ на станцію, паровозъ отцѣплялъ головные вагоны, назначенные по другимъ направленіямъ, и бросалъ каждый вагонъ на тотъ запасный путь, который соответствовалъ его направленію.

Вмѣсто безпорядочно загроможденныхъ парковъ, получились отдѣльные цѣпи вагоновъ, сразу же организованныхъ для каждаго направленія.

На запасномъ пути, отведенномъ для направленія А, накопились лишь вагоны направленія А. На пути Б—только вагоны Б и т. д.

Когда число вагоновъ, скопившихся на запасномъ пути какого-нибудь направленія, достигало цифры, достаточной для состава поѣзда, къ вагонной цѣпи подставлялся паровозъ и увозилъ со станціи накопившіеся вагоны по назначенному направленію.

Вмѣсто хаоса, на станціяхъ воцарился строгій и образцовый порядокъ, тѣмъ болѣе идеальный, что онъ является необходимо-принудительнымъ даже для лѣвтяевъ.

Вся работа по распредѣленію отпѣляемыхъ вагоновъ, которую любой начальникъ станціи могъ отложить на неопредѣленное время, теперь необходимо должна была выполняться въ промежуткѣ между приходомъ и уходомъ каждаго поѣзда, причемъ всю эту работу выполнялъ паровозъ пришедшаго поѣзда, а не специальный маневровый паровозъ.

Для всякаго, даже не спеціалиста, ясно, какую колоссальную роль въ упорядоченіи станціонной работы сыграла эта простая рѣшительная мѣра, которая является лишь первымъ шагомъ по уплотненію станціи.

Называется это на техническомъ желѣзнодорожномъ языкѣ „сокращеніемъ фронта“.

Выполненіе искусно задуманной разгрузки парковъ повело къ рѣшенію третьей задачи. Всѣ манипуляціи желѣзнодорожныхъ агентовъ стали производиться не послѣдовательно, какъ прежде, а одновременно.

По новымъ порядкамъ ремонтъ поѣзда сталъ производиться на глазахъ технического осмотра, причемъ вагонъ оставался въ поѣздѣ. Организованы были лучшія мастерскія со всѣми приспособленіями, которыя со своими рабочими тутъ же исправляли испорченный вагонъ.

Эта мѣра полной поправки поѣзда составляла при новомъ способѣ около 2 часовъ, тогда какъ прежде она доходила до 6 часовъ, что можетъ составлять экономію ежедневно по всей Россіи до 120 т. вагоновъ.

Списываніе поѣзда въ натурную книжку, отборка документовъ и запись ихъ по передаточнымъ вѣдомостямъ, составленіе техническихъ вѣдомостей, технической осмотръ

и ремонтъ поѣзда,—всѣ эти операціи начинались въ тотъ самый моментъ, когда поѣздъ подходилъ къ станціи.

На каждую работу было дано строго опредѣленное количество времени: 10, 15, 30 минутъ.

Каждое замедленіе работы отдѣльнаго агента отмѣчалось, и отъ агента требовалось объясненіе причинъ задержки.

Въ этой комбинированной цѣпи станціонныхъ работъ наиболѣе крупной явилась третья реформа по техническому осмотру и ремонту поѣзда.

Обыкновенно въ нашихъ станціяхъ принять такой порядокъ:

Техническій осмотръ отмѣчаетъ неисправные вагоны прибывшаго поѣзда, вагоны эти отцѣпляются и отводятся маневровымъ паровозомъ на самый дальній изъ запасныхъ путей.

Дальнѣйшій техническій осмотръ опредѣлялъ степень поврежденія вагона, иногда требующую освобожденія вагона отъ груза, послѣ чего вагонъ направлялся въ ремонтныя мастерскія. Такой выбывшій изъ строя вагонъ даже въ мирное время бездѣйствовалъ два три дня, прежде чѣмъ попадалъ въ мастерскую, гдѣ ремонтъ его отнималъ сплошь да рядомъ 15—20 минутъ времени.

Всѣ эти мѣры и отчетность по нимъ въ корнѣ разрушаютъ усмотрѣніе желѣзнодорожныхъ агентовъ и хищные аппетиты грузоотправителей. Никто не можетъ задержать вагонъ подлежащій отправкѣ и отказать въ подачѣ свободнаго вагона.

Говорятъ, что этимъ инженерамъ поручена разгрузка московскаго и петроградскаго узла. Остается пожелать, чтобы все желѣзнодорожное движеніе пошло по новымъ, вышеприведеннымъ, путямъ.

„Великолѣпный образчикъ прежнихъ желѣзнодорожныхъ продѣлокъ открылся, по словамъ г. Виали, при разгрузкѣ орловскаго узла комиссіей Б. Д. Воскресенскаго.

Когда очистились орловскіе желѣзнодорожные паркы, на путяхъ осталось 450 груженыхъ мукой вагоновъ, съ которыми ничего нельзя было подѣлать. Часть ихъ была безъ документовъ, а другая часть имѣла рядъ странныхъ назначеній. Первоначально вагоны адресованы были на станцію „Орель-Курскій“, затѣмъ переотправлены на „Орель-Елецкій“, отсюда на „Орель-Витебскій“, затѣмъ снова на „Орель-Курскій“ и т. д.

Кому принадлежали эти странные вагоны, совершавшіе

свой загадочный рейсъ вокруг Орла, въ то время, какъ въ Орлѣ была мучной кризисъ,—долгое время установить не удавалось. Но ясно было, что здѣсь кроется какая-то афера.

Съ товаромъ аферистовъ, загромождавшимъ пути и занимавшимъ въ пужный моментъ вагоны, поступили самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Въ одинъ день всѣ 450 вагоновъ муки были разгружены прямо на открытое мѣсто.

Стоило въ тотъ же день пойти дождю, какъ неуловимые владѣльцы муки отыскались. На хлѣбной биржѣ началась паника. Мука въ Орлѣ сразу упала съ 21 р. до 15 р. за мѣшокъ.

Въ концѣ концовъ, „отыскались“ и исчезнувшіе документы на тѣ „безпаспортные“ вагоны, которые подверглись общей участи.

Изъ провинціи пишутъ, что деревенскія бабы теперь требуютъ въ лавкахъ не ситцы, не шерстяныя матеріи, а шелкъ и бархатъ.

Въ деревняхъ покупаютъ много сахара для изготовленія домашняго пива.

22 — 27 января. Издающаяся въ Митавѣ магистрантомъ изъ Берлина Шульманомъ нѣмецкая газета „Mitausche Zeitung“ сообщаетъ 1), что въ этотъ городъ переселилось большинство помѣщиковъ Курляндской губерніи.

По словамъ корреспондента изъ Риги 2) настроеніе тамошнихъ нѣмцевъ изображается такъ:

„Настроеніе среди мѣстныхъ нѣмцевъ замѣтно упало. Какъ-то я встрѣтилъ мѣстнаго барона. Осунулся, похудѣлъ. „Они все сидятъ... Наши дѣла поправились“. Но въ голосѣ слышится глубокая скорбь. А Рига лучший барометръ германскихъ настроеній“.

Разсказывали про необыкновенно плодотворную работу на фронтѣ 18-го врачебнаго питательнаго отряда всероссійскаго земскаго союза, образовавшаго своими учрежде-

1) Бирж. Вѣд. 24 янв. 1916 г.

2) Веч. Вр. 25 янв. 1916 г.

піями маленькій городокъ. Тутъ находится грандіозная баня, прекрасно оборудованная, гдѣ каждому солдату земскій союзъ выдаетъ мыло, мочалку, вѣшникъ, рубашку, кальсоны и портянки, а все грязное бѣлье отсылается въ прачешныя союзы. Для офицеровъ эта баня изготовляется по субботамъ при идеальной дезинфекціи. Во время мытья солдатскія шинели и гимнастерки тщательно дезинфицируются отъ насѣкомыхъ. Послѣ бани солдатики, въ тепломъ помѣщеніи, угощаются чаемъ. Земскій союзъ выдаетъ чай, сахаръ и хлѣбъ вволю. Тутъ же парикмахерская и лавочки со всѣми вещами солдатскаго обихода по небывало дешевой цѣнѣ.

Передаютъ, что одинъ изъ французскихъ летчиковъ совершилъ недавно чрезвычайно смѣлый подвигъ, за который получилъ военный крестъ и былъ упомянутъ въ приказѣ по арміи. Летая на двухмѣстномъ бипланѣ, онъ изъ-за тумана по ошибкѣ спустился позади нѣмецкихъ линій. Германцы обезоружили его, затѣмъ посадили обратно на его мѣсто, сзади же сѣлъ германскій офицеръ, который, приставивъ къ затылку револьверъ, потребовалъ, чтобы тотъ летѣлъ надъ французскими линіями. Нѣмцы рассчитывали на удачную развѣдку, ибо французы, конечно, не стали бы стрѣлять по своему аппарату. Однако, летчикъ, оказавшись надъ французскими линіями, внезапно сдѣлалъ мерзкую петлю. Нѣмецкій офицеръ, не привязанный къ сидѣнью, выпалъ изъ аппарата и разбился на смерть.

---

27 января былъ на сообщеніи Бориса Андреевича Вилькицкаго, извѣстнаго изслѣдователя морского пути изъ Владивостока до Архангельска. Сообщение происходило въ огромномъ залѣ 2-й гимназіи Императора Александра I, заполненномъ до крайности публикой. Молодой, энергичный, красивый, выдающейся скромности, лекторъ съ особымъ тактомъ изложилъ свое высокоинтересное слишкомъ 14-мѣсячное плаваніе на судахъ Таймыръ и Вайгачъ изъ Владивостока (24 іюня 1914 г.) въ Архангельскъ (3 сентября 1915 г.). Болѣе половины пути до мыса Челюстинна пройдено экспедиціей въ 12 дней и попытки дальнѣйшаго движенія къ Карскому морю въ виду сплошныхъ льдовъ стали невозможны. Стали развиваться страшныя бури, дви-

жушіеся льды сжимали суда, и приходилось принимать мѣры на случай ихъ гибели. Эти крайне драматическія положенія экспедиціи особенно удались лектору. По составленіи описанія береговъ, новооткрытыхъ въ прошлую экспедицію Б. А. Вилькицкаго земли Императора Николая II и острова Цесаревича Алексѣя, суда экспедиціи ушли на зимовку въ заливъ барона Толя, подготовивъ бау на берегу. Описаніе 103 дней полярной ночи и затѣмъ 120 дней не заходящаго солнца во многомъ напоминали знаменитое описаніе Нансена. Зимовавшій на „Эклипсъ“ спутникъ Нансена, капитанъ Свердрупъ, направляясь по льду, посѣтилъ экспедицію во время стоянки, причемъ часть команды экспедиціи была отправлена льдомъ на „Эклипсъ“. Только 27 іюля экспедиція освободилась отъ льдовъ и лишь 3-го сентября 1910 г. прибыла въ Архангельскъ. Исслѣдованія двухъ экспедицій Вилькицкаго показали, что путь изъ Архангельска во Владивостокъ такъ преграждается льдами въ Карскомъ морѣ, что нельзя утверждать, что можно считать возможнымъ проходъ черезъ нихъ каждый годъ. Во время экспедиціи проявлена была радіо-телеграфная связь съ Петроградомъ. Шумными и продолжительными анлодиссидентами закончилось сообщеніе талантливаго лектора и исслѣдователя.

28—31 января. Г. Пиленко въ Новомъ Времени, въ захватывающей душу корреспонденціи, передаетъ служеніе родивъ нашихъ тралеровъ, преисполненныхъ высокаго героизма и мало кому извѣстное. Вотъ эта замѣчательная корреспонденція.

Кормами къ стѣнкѣ одинъ около другого стоятъ тралеры. Мрачныя и невзрачныя суденышки. По сравненію съ бровеносцами—какіе-то гномы. Да, да, гномы: помните, какъ въ дѣтскихъ фееріяхъ изображаютъ маленькихъ человечковъ съ молотками за поясомъ; всѣ сѣрые, всѣ одинаковые, всѣ какіе то согнутые внизъ. Ну, какъ же тралеры не гномы? Между ними, прямо по срединѣ, стоитъ и Бѣлоснѣжка, маленькая сказочная царевна: бѣлая чья-то яхта, съ изумительными спортсменскими обводами: вдоль всего борта у нея проведена широкая зеленая полоса, которая, вмѣстѣ съ краснымъ крестомъ на трубѣ, свидѣтельствуется о томъ, что эту игрушку милліонера нынѣ употребляютъ для переноски раненыхъ. Оказывается, что тралеры безъ Бѣло-

сиѣжки въ море не выходятъ, если, не дай Богъ, что случится, такъ возвращаться домою недосугъ, а откомандировывать никого нельзя... Бѣлосиѣжка подходитъ къ тому мѣсту, гдѣ произошелъ взрывъ, подбираетъ раненыхъ и кладетъ ихъ на уютныя койки, прежде носившія клуб-мешковъ.

Моросилъ мелкій, безпросвѣтный дождь. Подъ такимъ дождемъ тралеры казались еще угрюмѣе. И палуба съ потоками угольной пыли, и полуструганныя грязныя доски, которыми на зиму (для тепла) обиваютъ жилия помѣщенія, и приземистая труба, съ облупившеюся по верхнему ранту краской,—создавали впечатлѣніе неуютна, жути, сдвинутыхъ бровей, обрывистыхъ командъ, дантовскихъ первыхъ строфъ.

И мѣше всего они, эти плотно прижавшіеся другъ къ другу братья, мѣше всего они—военныя суда, въ обычномъ представленіи профана. Ни пушекъ, ни брони, ни специфическихъ военныхъ обводовъ. Если, не зная, посмотрѣть со стороны, такъ можно ихъ скорѣе принять за большіе буксирные пароходы съ Волги: марціальяго ничего нѣтъ. Особенно сближаетъ именно съ буксирами—большой полу-ключъ на самой кормѣ и поставленная противъ него паровая лебедка для трала. Кажется: поддѣлъ двѣ пары баржъ и пошелъ себѣ по плесу у Жигулей! Только андреевскій флагъ придаетъ всему какой-то загадочный, сомнѣнія внушающій отпечатокъ. Не даромъ, ой, не даромъ—на этого штатскаго господина надѣли полковничьи эполеты!... Впечатлѣніе трагической двойственности усиливаетъ часовой, дѣлающій моему спутнику „на караулъ“. Выправки въ немъ мало. Промокшіи, сколькѣи полутулуиъ совсѣмъ не напоминаютъ тѣхъ лихихъ джентльменовъ, которые гуляютъ по Невскому съ георгиевской ленточкой гвардейскаго экипажа на фуражкѣ. Не то—здоровякъ-лѣсникъ изъ хорошаго имѣнія, не то взявшій позабавиться ружьемъ ополченецъ изъ совсѣмъ сѣрыхъ. Грѣшнымъ дѣломъ, мнѣ показалось, что онъ и артикулъ дѣлалъ не совсѣмъ убѣжденно: такъ, молъ, разъ нужно, сдѣлаю и на караулъ. Между прочимъ... Между прочимъ, *болѣе важнымъ*... И пристально посмотрѣлъ ему въ глаза... Почудилось мнѣ, или нѣтъ?... Лицо молодое, почти безусое, открытое... Но глаза!.. И странно сложенные губы, съ поперечными складками!.. И эти неожиданныя морщины, справа и слѣва надъ концами бровей!.. *Этотъ* знаетъ, что такое война...

— Георгіевскій кавалеръ, — говоритъ мнѣ начальникъ партіи, проходя мимо часового.

— А отчего же у него нѣтъ ленточки?

— Ну, здѣсь на работѣ они не надѣваютъ...

И потомъ, съ почти неуловимой улыбкой:

— Да, видите ли... у насъ вѣдь нѣтъ матросовъ безъ георгіевскихъ медалей или крестовъ.

— Всѣ до одного?

— Всѣ до одного... И заслуженно... Ой, какъ заслуженно.

— А офицеры?

— Офицеры?.. Всѣ командиры тралеровъ имѣютъ золотое оружіе... Каждый сдѣлалъ какое-нибудь особенно опасное траленіе.

Для любителей приведу на сиривку, что георгіевскій статутъ, а этотъ теоретическій курсъ воинной храбрости не очень-то снисходителенъ къ претендующимъ на черно-оранжевую ленту, — всякій выходъ тралера на обычную работу, совершаемый иногда десятки разъ въ мѣсяцъ, считается, строго говоря, дающимъ право на георгіевское оружіе. („Кто съ явной опасностью уничтожитъ непріятельское минное загражденіе“ — когда же его уничтожаютъ безъ явной опасности?). И въ этомъ нѣтъ никакого несоотвѣтствія съ тѣми кодоссальными требованіями, которыя устанавливаются для другихъ видовъ оружія: если вы вдумаетесь, то поймете, что захватить стрѣляющій нѣмецкій пулеметь отнюдь не болѣе трудно, чѣмъ обезопасить нѣмецкую мину. Мина, конечно, не дѣлаетъ никакого шума: она ничѣмъ не выдаетъ своего присутствія (до тѣхъ поръ, пока вы на ней не влетѣли); она воплощеніе великаго врага теперешней морской войны — невидимаго, но борющагося съ ней отъ этого только труднѣе.

— А что же вы называете „особенно опасными“ траленіями? Вѣдь у васъ всѣ траленія опасны?

— На очень малой глубинѣ... Или, конечно, когда нужно поднять мину на бортъ и разобрать.

— Это очень опасная работа. Вообще, непріятно имѣть дѣло съ предметомъ, способнымъ взорваться отъ простого прикосновенія. А тутъ еще обыкновенно трудно сказать, гдѣ именно и какъ именно до него нельзя дотрагиваться.

— Ой, ой, ой...

— Поднимаемъ ее изъ воды, и сейчасъ же ставимъ четырехъ матросовъ животами ее прижать, чтобы не ударились.. Оно, видите ли, животомъ-то вѣрнѣе, чѣмъ какимъ-нибудь

механическимъ приспособленіемъ... Ужь онъ стоитъ—знаетъ!—аккуратно животомъ прижимаетъ.

— Ой...

— А минный офицеръ ищетъ, гдѣ и что надо сдѣлать. Сначала былъ азартъ, спортъ—кто больше разберетъ. А потомъ привыкли, втянулись. Сдѣлали такія кривыя стамесочки, чеки кустарныя. Тамъ повернуть, тамъ закрѣпить: „готово“.

— Слушайте вы его,—вмѣшался въ разговоръ мой спутникъ:—онъ вамъ расскажетъ про „кривую стамесочку“, и про „готово“. Мины теперь встрѣчаются чуть что не и типовъ: къ каждой надо подойти, какъ къ индивидуальной задачѣ. Работая, надо считаться, что запалы дѣлаются изъ страшно мягкаго металла.

— Мягкаго?

— Да, изъ очень мягкаго свинца. Толщина его стѣнки вотъ: не больше, какъ у васъ манжета. При малѣйшемъ невѣрномъ движеніи, склянка внутри разбивается... токъ... и взрывъ... Въстовой, принеси-ка склянку...

...Вотъ онъ, ужасный запалъ—отъ котораго можетъ погибнуть цѣлый броненосецъ съ адмираломъ Макаровымъ во главѣ!.. Стеклянная трубка, тонкаго стекла, въ родѣ короткаго термометра, какіе для ваннъ употребляютъ... Внутри красная жидкость. На четырехъ сторонахъ прикрѣплены тонкія ленточки пробковаго слоя; перевязано аккуратно шелкомъ мѣстахъ въ десяти, одинъ около другого. Но этой охраны для хрупкаго стекла (оно вѣдь должно ломаться только тогда, когда это нужно, когда бортъ вражескаго судна сгибаетъ заключающій въ себѣ трубку свинцовый стаканъ!)—видимо, оказалось недостаточно!

— Теперь надѣваютъ еще такой резиновый чехоль. Вѣроятно, у нихъ мины-то въ собственныхъ ручкахъ по-взрывались!

...Аккуратный черный чехольчикъ, съ утолщенной по-кромкой.

— Посмотрите, какіе модники: подъ шагрень сдѣлали...

Дѣйствительно, совершенно ужъ не для чего.—поверхность чехла оттиснута подъ шагреневую кожу.

— Вотъ, все дѣло только въ томъ, чтобы эти трубки вывинтить. Тогда ужъ мина—мертвая.

Въ разговоръ вмѣшался офицеръ съ сосѣдняго миноносца.

— Въ японскую войну выкинуло мину на берегъ. А

туть былъ казачій развѣздъ, съ урядникомъ. Сѣрье!.. При-
скакалъ на постъ казакъ. Нашли, моль, японскую мину,
сюда волокутъ... „Да какъ же они волокутъ?“—„Да за
роги...“—Отправились мы туда—ни мины, ни развѣзда...
Однѣ только поковерканныя винтовки нашли... больше
ничего.

— Оп...

— А другой разъ была удивительная вещь. Нашель
мину проѣзжавшій хорунжій: такъ тотъ ухитрился ее все-
таки обезопасить... Знаете какъ?... По-казацки... Мы глазамъ
своимъ не повѣрили... Ей Богу!.. Онъ—можете себѣ пред-
ставить—обрубилъ стаканы... Да!.. Каждый—шашкой подъ
самый корешокъ. Вѣдь какой рубало!.. На полдюйма оши-
бись, ничего бы не осталось.

Мы прошли на корму; наиболѣе примѣтную ея часть
составляетъ, какъ я уже сказалъ, большой, истертый, испо-
лированный въ долгой работѣ полуклюзъ: здѣсь пропу-
скають тральный тросъ... Больше, вѣдь, собственно никакихъ
техническихъ приспособленій не требуется. Нужно только
идти къ мѣстности, завѣдомо забросанной минами, и ждать:
взорвется ли самъ тралеръ, или мина, попавшая подъ тросъ.

— Вотъ на этомъ самомъ тралерѣ,—сказалъ командиръ
парти, —здѣсь подъ кормой (видите, какой большой под-
рвѣзъ сдѣланъ, чтобы безопаснѣе было?..) вышла у насъ разъ
исторія. Вдругъ со шлюпки кричатъ: „Ваше высокоблагоро-
діе! Подъ кормой мина!“ Я высунулся. Батюшки! Дѣя-
ствительно: болтыхается мина. На волнѣ-то плѣшкой своей
верхней о корму: тукъ-тукъ-тукъ... Сейчасъ взорвется. Ско-
мандовалъ всей командѣ на постъ, чтобы со спокойной со-
вѣстью на дно идти. Ждемъ... ничего... Однако, надо что-
нибудь дѣлать... Машину пустить нельзя: винтъ. Думаю,
попробую потянуться на якорѣ. Надежды было мало, потому
что цѣпь была раньше выбрана до отказа—совсѣмъ почти
отвѣсно шла... Сласть якорь, или заберетъ?.. Попробовалъ
потихоньку шпилемъ: слава Богу, оттянулись...

— Что же у васъ, навѣрно,—спасательные приборы?

— Команда вся въ такихъ капковыхъ курткахъ; одно и
тендо, и на водѣ удержитъ. Это ужъ по закону... Ну, а
офицеры—не надѣваемъ... На то и офицеры...

Онъ прищурился и подкусилъ губу.

— Да, знаете, и не стоитъ; особенно въ ледяной водѣ.
Въ курткѣ-то еще долше мучаться будешь. Револьверъ въ
карманѣ, вотъ и все. Мы вѣдь—клубъ самоубійць.

— Разскажите: ну какъ же происходитъ самое траленіе?

— Да, очень просто. Забираемъ все, что нужно; выходимъ въ море, опредѣляемся и начинаемъ тралить.

— Но гдѣ же именно?

— Или тамъ, гдѣ надо проходить флоту, или тамъ, гдѣ замѣчена была подозрительная дѣятельность нѣмецкихъ судовъ.

— А какъ собираютъ эти свѣдѣнія?

— Это уже дѣло штаба; я въ это, признаться, не посвященъ. Одно могу сказать: развѣдочная служба у насъ поставлена прямо поразительно! Вотъ, я вамъ разскажу. Иногда бываетъ, заберешься въ шхеры, въ самыя дикія, въ самыя пустынные шхеры; куда никто, кажется, въ жизни не ходилъ. Отстояться, тамъ, нужно, или просто покорооче пройти. Вдругъ, эдакъ, отъ берега шлюпчечка голланить, подходитъ... Дѣлаетъ подъ козырекъ: „вамъ, ваше высокоблагородіе, телефонограмма“. Откроешь... и вѣдь, что удивительно:—подана всего какихъ-нибудь двадцать минутъ тому назадъ! Прямо руками разведешь... У насъ вѣдь, вообще, никакихъ адресовъ не пишется. А такъ прямо: „командиру такого-то судна“; сдашь на телефонъ и немедленно доставляютъ, когда бы онъ ни вышелъ и въ какой бы части моря ни находился. Поразительно! Если у васъ, въ Петроградѣ придешь къ чиновникамъ въ министерство, да потребуешь какую-нибудь справку: такъ, ей Богу, они въ своихъ шкапахъ бумагу ищутъ дольше, чѣмъ у насъ телефонные унтеръ-офицеры—судно въ открытомъ морѣ.

Мы прошли на бакъ.

— У насъ съ миной, точно американская дуэль: или я—ее, или она—меня. Можете себѣ представить: какая отвѣтственность готовить фарватеръ для прохода флота! Тутъ ужъ, что называется, утюжимъ море.

— Да, — улыбаясь, вставлялъ другой офицеръ: — если нужно, начисто выметемъ проливъ, соринки не будетъ.

— „Защиты отъ минъ у насъ нѣтъ почти никакой. Траль-то вѣдь идетъ сзади судна. Такимъ образомъ, самое судно завѣдомо должно идти на поле, забросанное этими проклятыми котлами.“

— Увидать ее нельзя?

— Если освѣщеніе очень благопріятно,—очень благопріятно!—то иногда можно увидеть: мы для этого ставимъ на самомъ носу двухъ смотрѣльщиковъ. Ну, ужъ понятно... стараются: прежде всего—потому, что отъ взрыва они сами

въ первую голову летятъ. Ну, а кромѣ того, по статуту полагается георгиевскій крестъ, если онъ усмотритъ мину и во-время доложить. У меня бывали такіе случаи. „Право по борту мина!“ Сразу даешь полный ходъ вазадъ. А команду — буквально не удержишь... Всѣ бросаются на бакъ: инстинктивное желаніе посмотрѣть опасности въ глаза. Такимъ образомъ, и свидѣтели сейчасъ же есть; тутъ же и съ крестомъ поздравляемъ. Но только это очепи, очень рѣдко бываетъ. Строго говоря, идешь просто на счастье: или что мина глубже твоей осадки поставлена, — или что она пройдетъ стороной. А вѣдь часто бываетъ, что мина взрывается на тралѣ на первой же кошкѣ отъ кормы. Что это значитъ? — Это значитъ, что мина прошла въ какихъ-нибудь пяти-шести-семи футахъ отъ борта... Вотъ, такъ и ходимъ... Отъ одной увернемся, отъ другой увернемся, отъ третьей увернемся, а когда-нибудь и не увернемся.

...Тральные тросы у насъ есть разные. Одни только срываютъ мину съ якоря, а другіе ее взрываютъ. Если ищемъ новый типъ минъ, такъ употребляемъ — первые. Вдругъ поплывежь по поверхности моря такая противная, черная точка. Посылаемъ шлюпку. Вы только подумайте: погода иногда бываетъ свѣжая; минъ-то этихъ окажется въ кучѣ штуки три; онѣ одна о другую взорваться могутъ. А тутъ еще тросъ запутается... Буйки наваливаются на эти мины: точно бирюльки разбираемъ, даже дыханіе захватываетъ. Ну, а если работаемъ прямо на взрывъ, такъ это, конечно, проще. Знаете, какъ взрывается мина? Сначала вода приподымается на довольно большомъ пространствѣ такимъ вадутіемъ, въ родѣ нарыва. А ужъ потомъ изъ середины нарыва выкидываетъ столбъ и гуль... Если траломъ удачно зацѣпишь цѣлое гнѣздо, такъ взрывы бываютъ ужасные. Минъ докторъ съ нашего госпитальнаго судна говорилъ: шли они на три кабельтова сзади; ахнули мы сразу три мины, должно быть, восьмипудовыя; такъ всю яхту буквально — по крайней мѣрѣ такъ докторъ сказалъ... — подкинуло на нѣсколько дюймовъ вверхъ. Немудрено, что у насъ на самыхъ тралерахъ, послѣ хорошихъ взрывовъ, въ трюмѣ течь; илюминаторы выдавливаются; людей валить на палубу... Никогда не забуду! Разъ, подь ночь, уже совсѣмъ кончили мы работу, да случайно попали на большое минное поле. Въ темнотѣ-то... Бахъ!.. Бахъ!.. Бахъ!.. Такъ, выстрѣлъ за выстрѣломъ. Только успѣвай тралы мѣнять...

— Ну, а какъ же потери?..

Странно... Видимо, всё они не любятъ касаться этого вопроса. Мнѣ же представлялось неделкатнымъ настаивать. И до сихъ поръ, поэтому, я не могу дать себѣ отчета: почему это происходитъ? Можетъ быть, потому, что потери заставляютъ говорить о слишкомъ тяжелыхъ моментахъ: это, вѣдь, для насъ, петроградскихъ обывателей, „потеря“ есть краткая замѣтка на второй страницѣ „Новаго Времени“... А для нихъ—это или другъ, или излюбленный боцманъ. Во всякомъ случаѣ близкіе люди. А, можетъ быть, объясненіе есть и другое: потеря есть все-таки неудача; мина побѣдила тралеръ, а не наоборотъ; остается горечь, съ которой не можетъ справиться самолюбіе.

— Потери? Какъ же въ нашемъ дѣлѣ безъ потерь?.. То одинъ, то другой вылетаетъ на воздухъ: разница только въ томъ, что Б. продержался на водѣ пятнадцать секундъ, а Р., „къ счастью“, выдержалъ семьдесятъ секундъ... Вы вотъ поѣжайте на другую партію; тамъ есть вольноопредѣляющійся Н. Спросите-ка его, отчего у него вѣтъ уха?

— Молодчага,—медленно произнесъ другой офицеръ:— можете себѣ представить?.. Онъ двѣ шлюпки спустилъ, а въ третьей замѣшкался; пошло все ко дну; и въ этотъ моментъ голову у него зажало между полуспущенной шлюпкой и бортомъ тралера. Дернулъ,—не идетъ, ухо защемило. Дернулъ еще разъ покрѣпче: оторвало ухо... выплылъ, весь кровью обливается. Видитъ, плыветъ ящикъ съ добавочными спасательными поясами. Но закрытый! Несмотря на рану, несмотря на всю эту кровь: влѣзъ на ящикъ, повернулъ его на волнахъ, открылъ... и сталъ разбрасывать пояса плавающимъ кругомъ матросамъ. Въ это время кричатъ, что фельдшеръ со сломанной рукой обезсилѣлъ,—онъ къ нему... Фельдшеръ на дно. Н. нырнулъ, досталъ, вытащилъ... спасъ!

Да! Не даромъ въ послѣднемъ приказѣ командующаго морскими силами партіи тральщиковъ были поставлены, по работѣ, на первое мѣсто!..“

Бахвальство, выдумки и ложь—эти достохвальные тевтонскія качества присущи неизменной натурѣ современнаго германца. Всѣ операциі его проводятся на практикѣ, окутанныя кипами самой наглой и беззащѣтной лжи.—Предпринимая какую-либо операцию, германецъ начинаетъ обрабатывать общественное мнѣніе печатью нейтральныхъ дер-

жавъ. И какихъ только парло-лживыхъ утокъ ни пускаетъ отецъ германской лжи кайзеръ, черезъ свои завинченныя кверху усы. Нѣкоторыя изъ нашихъ легковѣрныхъ, заячьихъ душъ усердно внимаютъ этимъ уткамъ своими заячьими сердчишками. Нейтральная печать теперь трубить во всю, что ранней весною германцы либо пойдутъ на Одессу, либо на Петроградъ, соорудивъ грандіозный десантъ на Балтійскомъ морѣ. Для того, чтобы выяснитъ, какъ можетъ встрѣтитъ этотъ десантъ нашъ балтійскій флотъ и что такое представляетъ этотъ флотъ, приведемъ высокопоучительную корреспонденцію А. Г. Пиленка въ „Новомъ Времени“, въ бесѣдѣ съ адмираломъ В. А. Канинымъ и однимъ изъ его сотрудниковъ. Вотъ эти золотыя слова ¹⁾:

Послѣ завтрака адмиралъ В. А. Канинъ пригласилъ меня въ свою каюту. Наша бесѣда продолжалась очень долго: около часа. Адмиралъ говорилъ съ внушительной, естественной авторитетностью.

Адмиралъ машинально гладилъ по головѣ ласкавшася къ нему сетера, бѣлаго съ черными подпалинами, и медленно-медленно, не отводя взора въ сторону, говорилъ:

... Что-жъ... основная стратегическая картина совсѣмъ ясна. Балтійскій флотъ,—это продолженіе крайняго фланга арміи. Задача флота,—всемѣрно поддерживать дѣйствія арміи, охраняя ее отъ обходовъ германскимъ флотомъ. Что дальше будетъ,—кто знаетъ? А пока,—мы можемъ считать свою работу не бесполезной. Одинъ англійскій спеціалистъ говорилъ, что въ теперешней войнѣ было два повторныхъ момента, не очень блестящихъ и яркихъ, но чрезвычайно важныхъ: Марна и Рижскій заливъ. На Марнѣ спасли Парижъ. А въ Рижскомъ заливѣ борьба за подходы къ Петрограду окончилась въ нашу пользу. Этого отрицать нельзя. Каково было бы сейчасъ положеніе арміи, если бы нѣмцы находились въ Ригѣ и владѣли всѣмъ Рижскимъ заливомъ? Посмотрите на карту,—сами поймете...

— ... Конечно, борьба за Рижскій заливъ была очень трудна. Пять-шесть дней былъ такой туманъ, что они травили наши загражденія преспокойнымъ образомъ. Постепенно подвигались, совершенно безпаказанно: мы въ туманѣ по намъ стрѣлять не могли. Прочистили себѣ проходъ. Два миноносца пробрались, и вотъ, въ этотъ моментъ произошелъ одинъ изъ самыхъ эффектиѣйшихъ боевъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 28 янв. с. 1.

На „Новикѣ“ четыре орудія четырехдюймовыхъ, а на этихъ миноносцахъ (для Бразиліи строились) по три. Шесть противъ четырехъ. „Новикъ“ открылъ огонь первымъ. И сразу,— понимаете, сразу...—миноносецъ вдребезги! Въ самый центръ управленія попало... А на „Новикѣ“ ни одного попадания. Бросился этотъ миноносецъ назадъ, въ протраленный проходъ не попалъ,—взорвался. Другой,—за нимъ, скрылся въ туманъ; что съ нимъ случилось, мы не знаемъ.

— ... Если вы вспомните, какъ происходило движеніе нѣмцевъ къ Ригѣ, то вы принуждены будете признать, какую громадную роль сыграла постоянная угроза ихъ крайнему лѣвому флангу. Этотъ лѣвый флангъ недаромъ все отставалъ отъ остальной арміи. Отставалъ, отставалъ, да и застрялъ: и задержкой этой много способствовалъ остановкѣ всей нѣмецкой арміи. Сухопутныя войска противъ судовой артиллеріи бороться не могутъ. Это показала галлипольская операція: съ какой величайшей легкостью была произведена посадка десанта обратно на суда! А у насъ, въ Рижскомъ заливѣ, было нѣсколько тактическихъ выступленій флота противъ врага. Вотъ, на примѣръ, при Кеммеряѣ... Двинули мы три миноносца, на которыхъ и всего-то было шесть орудій... Пристрѣливаются пришлось долго. Разстояніе до нѣмецкихъ позицій было такое большое, что миноносцамъ пришлось устраивать искусственный крекъ: иначе не долетали снаряды. Но зато, что было при стрѣльбѣ!.. Это себѣ даже представить трудно!.. Обстрѣливали всего только пять минутъ: но всѣ нѣмецкія позиціи были начисто сравнены съ землей. Нѣмцы отступили такъ, что оставили даже всѣ смежныя окопы...

Разговоръ зашелъ объ отдѣльныхъ отличившихся офицерахъ.

— Перечислять ихъ,—сказалъ адмиралъ,—мнѣ будетъ неудобно. Всѣ офицеры у насъ, по мѣрѣ силъ и возможности, стараются: разница только въ маломъ... одному повезетъ сдѣлать что-нибудь оставляющее реальный слѣдъ, а другому—нѣтъ.

— Впрочемъ, вотъ,—вдругъ оживился онъ,—мнѣ хотѣлось бы отмѣтить, что намъ удивительно много и хорошо помогали англійскія подводныя лодки. Положимъ, и лодки у нихъ великолѣпныя, испытанныя... Но и сами офицеры—молодцы... Выдержка, знаете, удивительная... Хладнокровіе какое!..

Адмиралъ добродушно засмѣялся.

— У насъ,—сказалъ опъ,— не такъ, какъ у нѣмцевъ. Вотъ, я вамъ расскажу анекдотъ, какъ у нихъ официально врутъ. Въ рижскомъ заливѣ одинъ нѣмецкій гидропланъ былъ подбитъ нашимъ огнемъ и сѣлъ на воду. Вѣтромъ его снесло въ нашу сторону, такъ что и летчикъ и наблюдателя подобралъ нашъ миноносецъ „Москвитянинъ“. Вылѣзли они на палубу, стоятъ, разговариваютъ. „Что,— спрашиваютъ,— очень ваши гидропланы вамъ досаждаютъ?“ — „Ничего,— отвѣчаютъ наши,— бываетъ, что бросаютъ бомбы...“ — „И попадаютъ?“ — „Нѣтъ, этого не случилось пока, слава Богу!“ — „Ну, вотъ, что вы рассказываете: по нашимъ расчетамъ у васъ взорвано гидропланами восемь миноносцевъ“.— „Да неужели?“ — стали смѣяться. Нѣмецъ разсердился, говоритъ: „Да вотъ самое лучшее: мой унтеръ-офицеръ получилъ желѣзный крестъ за потопленіе „Москвитянина“; такъ и въ приказѣ было сказано“. Можете себѣ представить, пришлось привести ему вахтенный журналъ и показать; только тогда онъ повѣрилъ, что находится,—надо же такое совпаденіе!—именно на „Москвитянинѣ“!

Мы встали. Адмиралъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Пожажайте, посмотрите; вамъ офицеры расскажутъ поподробнѣе... Познакомьтесь съ ними, будете лучше о насъ судить.

— Ваше превосходительство... Вотъ нѣмецкій спеціалистъ, капитанъ фонъ-Персјусъ, въ новогоднемъ отчетѣ утверждаетъ, что нѣмцы имѣютъ господство въ Балтійскомъ морѣ...

Адмиралъ улыбнулся:

— Ну, что-жь... Это ему виднѣе...

Остановился на минуту:

— Пусть-ка вотъ онъ придетъ въ Финскій заливъ...

Одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ адмирала В. А. Кавина сказалъ мнѣ:

— До сихъ поръ,—сухо дерево!—намъ везло... Но, конечно, нужно имѣть въ виду, что и флотъ нашъ теперь не тотъ, что онъ былъ двѣнадцать лѣтъ назадъ. Опытъ японской войны сказался; и, затѣмъ, надо съ величайшей благодарностью вспомнить дѣятельность покойнаго Эссена... Что касается опыта японской войны, то онъ повелъ главнымъ образомъ къ милитаризаціи флота. Теперь какъ-то странно даже вспоминать, что совсѣмъ недавно у насъ не было такого высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ под-

готовлялись бы спеціалисты для разработки морскихъ стратегическихъ вопросовъ. Въ нашей академіи занимались тогда флотомъ военнымъ совершенно такъ же, какъ если бы онъ былъ коммерческимъ. И отдѣленія-то были въ академіи все мирныя: гидрографическое, механическое, кораблестроительное... а военнаго не было... Нельзя даже въ точности сказать, была ли налицо мысль о томъ, что раньше постройки флота нужно создать планъ своей морской войны. Теперь мы имѣемъ правильно поставленную академію генеральнаго штаба, и большинство офицеровъ, окончившихъ эту академію, работая вокругъ командующаго флотомъ, могутъ въ настоящее время на практикѣ примѣнять свои теоретическія знанія. Только благодаря тому, что милитаризація въ настоящее время вошла въ плоть и кровь флота, мы и можемъ такъ послѣдовательно (и такъ небезуспѣшно) проводить нашъ основной планъ: активной обороны.

— ... Что касается покойнаго Эссена, то онъ сдѣлалъ съ флотомъ прямо чудеса... Основная его мысль была простая: флотъ долженъ знать все Балтійское море, не исключая шхеръ; и для этого онъ долженъ плавать не менѣе десяти мѣсяцевъ въ годъ. Прежде это казалось совершенно невозможнымъ! Я помню изъ своей молодости... Мы отправились въ громадное кругосвѣтное плаваніе, учились, набирали опытъ, работали. Рѣшающимъ моментомъ былъ смотръ судна послѣ возвращенія изъ плаванія. Золото, бархаты!.. Заканчивался смотръ, и вдругъ все разваливалось... Дѣйствительно, иначе и нельзя было; дерево гнило, паруса пожирались крысами. Все это надо было увозить въ сухіе, хорошо провѣтриваемые склады,—иначе бы погибло. И свозили. А въ результатъ получилось что? Такъ сказать, былъ локомотивъ въ полной красотѣ, разобрали его и свезли по частямъ куда-то въ магазинъ. Этотъ локомотивъ можно было собрать снова, но это былъ бы уже другой локомотивъ... Команда распадалась: офицеры разѣзжались; накопленный опытъ не передавался новымъ людямъ... А теперь? Я вотъ третій годъ все на томъ же суднѣ. А. М. П. (онъ указалъ на старшаго офицера), уже пятый годъ подрядъ... (Такъ вѣдь?..). Пятый годъ—и все на одномъ и томъ же суднѣ, не сѣзжая съ него... Вотъ тогда человекъ дѣйствительно начинаетъ знать, что у него собственно въ рукахъ имѣется.

— ...Благодаря этому, у насъ никакой и мобилизаціи

быть не можетъ. У насъ срокъ для мобилизаціи: нуль часовъ, нуль минутъ. Когда была объявлена война, мы ни изъ какихъ складовъ рѣшительно ничего не принимали... Можетъ быть, что-нибудь свезли на берегъ. Тамъ цѣнные призы, реликвіи... Но ни запасовъ, ни людей намъ не было нужно: у насъ все было на-лицо. Черезъ четыре часа мы вышли въ море. Этому результату мы добились только благодаря тому, что покойный Эссень совершенно отказался отъ казармъ для командъ.

... — Если судно плаваетъ по шхерамъ десять мѣсяцевъ въ году, то это, конечно, сопряжено съ рискомъ... Мое почтеніе! иногда идешь совсѣмъ около вертикальной стѣны! Шхеры вѣдь, знаете, причудливы... Или вдругъ, вотъ, недавно двѣнадцатифутовый камень обнаружили въ такомъ мѣстѣ, гдѣ о немъ ни одинъ лоцманъ не зналъ... Безъ риска такую реформу флота провести нельзя... Но Эссень позволялъ рисковать; не ставилъ въ вину, когда рисковали. Онъ зналъ, что въ дѣлѣ риска излишнею строгостью можно у всякаго офицера сорвать настроеніе. Помните: одного адмирала наказали за то, что онъ слишкомъ рано стрѣлялъ, а другого за то, что слишкомъ поздно стрѣлялъ... Эссень лично ходилъ по шхерамъ. Иногда просто въ щель пролѣзали. И присутствіе опытнаго, всѣми любимаго адмирала, конечно, уничтожало всѣ колебанія молодыхъ офицеровъ. Совсѣмъ пропадало слово „невозможно“: все оказывалось возможнымъ... Эссень любилъ говорить, что аваріи поправимы... непоправимо только паденіе духа во флотѣ...

— ...Въ результатъ, конечно, получилась очень выгодная позиція флота. Мы вотъ сейчасъ стоимъ во льду... Если бы пришло срочное приказаніе, мы можемъ выйти. Намъ полагается четыре часа на разведеніе паровъ, да еще часа два на сборъ. И вотъ сейчасъ, каковъ бы ни былъ морозъ, мы пойдемъ впередъ; станемъ рѣзать, какъ масло, весь этотъ окружающій ледъ... Всего недѣлю назадъ, при двадцатиградусномъ морозѣ, пришелъ броненосецъ „*Сибирякъ*“ и ошвартовался рядомъ съ нами. Прежде, и азъ, многогрѣшный, не повѣрилъ бы, что это возможно... Миѣ бы прежде все это казалось столь же невысказаннымъ, какъ невысказано водить миллионныя арміи при сорокаградусномъ морозѣ... Оказывается, что мыслимо...

— ...Вслѣдствіе этого жизнь у насъ идетъ полнымъ темпомъ. Ученія для нижнихъ чиновъ, особые классы для офицеровъ... Да вотъ вамъ лучшій примѣръ: только-что

закончились праздники: большое количество матросовъ постоянно съѣзжало на берегъ, и за всѣ эти дни у насъ нуль протоколовъ, нуль дебошей, нуль арестовъ и нуль наказаній. Конечно, это надо отчасти приписать тому, что городъ здѣсь культурный, вертеповъ не знаетъ: зайдетъ матросъ въ кафе или кинематографъ, проводить время смирно. Но главную роль все-таки играетъ облагораживающее вліяніе войны и того военнаго духа, который поддерживается благодаря постоянной совмѣстной работѣ офицеровъ съ командами.

Мы встали и начали прощаться.

— Мы будемъ очень рады, если вы расскажете публикѣ про наше житье-бытье. Постарайтесь обратить вниманіе на то, какой у насъ удивительно молодой личный составъ и какъ всѣ эти офицеры, несмотря на свою молодость, владѣютъ каждый своей технической частью... У насъ вѣдь здѣсь все есть: и минеры, и великолѣпные артиллеристы, и испытанные радіотелеграфисты, авіаторы и т. д. Учатъ ихъ техникѣ,—не въ корпусѣ: въ средней школѣ тачать сапоги не научишься... Учатъ ихъ здѣсь, на флотѣ; всѣ ихъ знанія—это результатъ работъ самого флота”.

Слышалъ такой рассказъ. Прошлой осенью во время страшнаго дождя и бури, къ запертымъ воротамъ одного изъ замковъ прибалтійскихъ бароновъ, окруженнаго со всѣми постройками высокой стѣной, подошла воинская команда изъ нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ съ офицеромъ. Стали стучаться въ ворота. Послѣ долгихъ ожиданій къ навѣсу надъ запертыми воротами подошелъ человекъ. На просьбу дать командѣ укрытіе отъ бури и дождя послѣдовалъ отказъ. Офицеръ сталъ настойчиво требовать отворить ворота и позвать самого хозяина. Опять послѣ долгаго ожиданія появился у навѣса самъ хозяинъ и отвѣтилъ отказомъ, предложивъ командѣ идти въ ближайшіе отъ замка дома. На возраженіе офицера, что эти дома находятся далеко, въ нѣсколькихъ верстахъ, лояльный баронъ разразился потокомъ словъ, что онъ будетъ жаловаться на офицера въ Петроградъ такому-то, такому-то и такому-то.

И поплелась за 6 верстъ промокшая до костей команда, въ ближайшій латышскій хуторъ.

Конечно, съ думской кафедры какой-нибудь лояльный баронъ скажетъ, что это выдумка.

Съ половины до конца января военныя дѣйствія на нашемъ европейскомъ фронтѣ заключаются въ поискахъ развѣдчиковъ, столкновеніи небольшихъ частей, артиллерійской перестрѣлкѣ, воздушной и мѣнной войнѣ. Наиболѣе значительное столкновение было у Цebroва, въ Галліціи, весьма успѣшное для насъ.

Зато на Кавказѣ наша доблестная армія, руководимая высокимъ талантомъ генерала Юденича, при двадцати градусахъ мороза, мѣстами по двухсаженному снѣгу, поддерживаемая огнемъ черноморскаго флота въ приморскомъ направленіи, побѣдоносно продвигалась впередъ и отбивала всѣ наступательныя попытки турокъ, при чемъ былъ взятъ важный стратегическій пунктъ Ханъ Кале и наши войска подошли къ Эрзеруму.

Перешедшія всякую мѣру звѣрства нашего противника заставляли штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщить нижеслѣдующее:

Въ октябрѣ 1915 года въ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго были получены нижеслѣдующія свѣдѣнія.

Шесть нашихъ нижнихъ чиновъ, бѣжавшихъ изъ австрійскаго плѣна, показали, что за упорный, несмотря на цѣлый рядъ мученій, отказъ всей ихъ партіи въ 500 человекъ рыть для непріятели окопы, 1-го іюля въ дер. Госсевзасъ, на полпути между Инабрукомъ и Бриксеномъ, были разстрѣляны четыре нижнихъ чина. Разстрѣливала школа кадетъ. Предназначено къ разстрѣлу было 50 человекъ. Разстрѣлянные, по единогласному показанію опрошенныхъ, умерли героями.

Примѣненіе австрійцами пытокъ, по поступившимъ въ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго свѣдѣніямъ, для принужденія нашихъ солдатъ къ работамъ, чисто оборонительнаго характера, нерѣдко въ передовой линіи, подь огнемъ—явленіе общее. Дѣлались попытки заставить нашихъ нижнихъ чиновъ рыть окопы для австрійцевъ и на нашемъ фронтѣ, но попытки эти неизмѣнно разбивались о непоколебимую твердость и вѣрность присягѣ русскаго солдата.

1) Отъ 16 янв. 1916 г.

Затѣмъ установлено дополнительно опросомъ яновъ прибывшихъ изъ австрійскаго плѣна нашихъ нижнихъ чиновъ, что при указанныхъ выше условіяхъ были разстрѣляны наши нижніе чины:

1) Иванъ Тимоѣевъ Нищенко, урожен. Херсонской губ., Александровскаго уѣзда, Посадо-Прагской волости, посада Прага.

2) Федоръ Луниъ, уроженецъ Курской губ., Старобоскольскаго уѣзда, Скородянской волости.

3) Иванъ Катаевъ, уроженецъ Воронежской губ., Новохоперскаго уѣзда, Верхне-Корганской волости.

4) Филиппъ Куликовъ, уроженецъ Орловской губ., Дмитровскаго уѣзда, Гивзидиловской волости.

По показанію одного австрійскаго дезертира, очевидца разстрѣлянія названныхъ нижнихъ чиновъ, взводъ его былъ отправленъ въ Бреннербадъ для принужденія силою къ работамъ находившихся тамъ русскихъ плѣнныхъ. Въ виду отказа послѣднихъ отъ работъ, были приняты принудительныя мѣры: 20 человекъ привязаны были къ деревьямъ самымъ варварскимъ способомъ; одинъ унтеръ-офицеръ—инженеръ изъ Москвы былъ буквально распятъ: руки его были привязаны надъ головой, а ступни ногъ обращены къ дереву—въ разстояніи 25 см. отъ земли. Черезъ 20 минутъ онъ лишился сознанія. Черезъ 2 часа всѣ плѣнные, подвергнутые этимъ пыткамъ, были въ обморочномъ состояніи. Нѣкоторые во время пытки умоляли разстрѣлять ихъ, чтобы положить предѣлъ ихъ мученіямъ. Вся эта работа была выполняема будущими офицерами австрійской арміи.

Въ виду того, что подобный способъ убѣжденія все же не подѣйствовалъ на остальныхъ плѣнныхъ, изъ числа послѣднихъ пятеро были назначены къ разстрѣлянію. Были вызваны желающіе привести приговоръ въ исполненіе и такъ какъ таковыхъ оказалось весьма много, то среди нихъ сперва были выбраны четыре человека.

Разстрѣливаніе происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

150 русскихъ плѣнныхъ были собраны передъ служившимъ имъ жильемъ строеніемъ, стоящимъ у дороги, вдоль которой протекаетъ ручеекъ съ перекинутымъ черезъ него мостикомъ. Ученики офицерской подготовительной школы построились на три фаса. Присужденныхъ къ смерти переводили на другой берегъ ручейка, и здѣсь четыре ученика,

имѣя дула ружей всего лишьъ въ 10 см. отъ тѣла жертвы, двумя выстрѣлами въ голову и двумя въ грудь, убивали ихъ пановаль.

Въ виду большого числа учениковъ, желавшихъ участвовать въ разстрѣливаніи плѣнныхъ, послѣднее было исполнено четырьмя различными очередями, по 4 человека въ каждой. Одинъ унтеръ-офицеръ (заводной инструкторъ) особенно просилъ разрѣшить и ему приложить свою руку къ умерщвленію русскихъ, и просьба его была уважена.

Всѣ разстрѣливавшіе были или нѣмецкой національности, или уроженцы Тироля.

Къ выясненію частей войскъ, въ которыхъ служили упомянутые погибшіе нижніе чины, въ цѣляхъ внесенія на страницы исторіи и этихъ невѣдомыхъ героев-мучениковъ, мѣры со стороны Штаба Верховнаго Главнокомандующаго приняты.

1-4 февраля. Проводимъ мѣсяче публичнаго ученаго профессора Московскаго университета Владиміра Федоровича Снегирева относительно печалованій о прекращеніи подвоза разныхъ медикаментовъ изъ Германіи¹⁾.

Я вовсе не раздѣляю того горя и опасеній, какія высказываются въ некоторыми по случаю прекращенія подвоза разныхъ нѣмецкихъ патентованныхъ и иныхъ лекарственныхъ средствъ. Во-первыхъ, мы и сами начинаемъ выработывать многое такое, что прежде выписывали отъ нѣмцевъ, во-вторыхъ, ужь дѣйствительно ли такъ нужны всѣ эти аспирины, фенацетины, фетины и т. п.? Мы раньше лечили усильно и безъ нихъ, пользуясь такъ называемыми основными средствами. Напримѣръ, хина. Чего же лучше? Покойный профессоръ Захарьинъ рекомендовалъ обращаться съ хиной осторожно: ассистентамъ своимъ позволялъ давать по 2½ грама хинина, а если ему предстояло дать больному пять грановъ, то онъ по этому поводу лекцію читалъ студентамъ! А теперь всѣ такъ и глотаютъ: и пирамидовъ и аспириновъ, и пр. Было раньше 20—30 основныхъ средствъ, но имѣлось вдумчивое отношеніе къ болѣзнямъ и пациентамъ. Теперь же стала господствовать какая-то фабричная медицина. Нѣмецкія фабрики принялись выработывать многочисленныя патентованныя средства, рассылаемыя съ невѣ-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1 февр. с. 1.

роютными рекламами. Началось какое-то кустарное леченіе по нѣмецкому фабричному трафарету. Патентованныя средства разбирались на расхватъ. Между тѣмъ не будетъ ли достаточно однихъ коренныхъ средствъ? Ихъ у насъ есть запасъ, и плакать о нѣмецкомъ аспириновѣ или антифибриновѣ, право, не приходится... Въ большинствѣ случаевъ въ нихъ нужды совсѣмъ нѣтъ! Мы, старые врачи, удивлялись на эту „моду“ на патентованныя средства. Жили же мы безъ нихъ раньше? Мы совершенно забыли объ основныхъ лекарствахъ, не помнимъ вѣрной службы хины, салициловаго натра и т. п. Не потому ли мы такъ до войны поступали, что нѣмецкая беззаастѣнчивая медикаментная реклама слѣпила намъ глаза? Весьма возможная вещь!

Петроградскій обыватель вполне согласенъ съ мнѣніемъ извѣстнаго ученаго, что уже давно пора въ Россіи прекратить кустарное леченіе по нѣмецкому фабричному трафарету. Обходимся теперь, во время войны, безъ этихъ средствъ и нѣтъ ухудшенія російскаго здравія.

Наши доблестныя войска на Кавказѣ при 25 градусахъ мороза, при глубокомъ снѣгѣ, по крутымъ скатамъ подходятъ къ Эрзеруму. Въ Хивесскомъ районѣ овладѣли городомъ Хопъ, а въ Персіи взяли городъ Довлетъ-Абадъ. Овладѣли фортомъ Эрзерумской крѣпости. Утромъ 2 февраля овладѣли еще однимъ фортомъ Эрзерума. 4-го февраля послѣ пятидневнаго непримѣрнаго штурма Эрзерумъ былъ взятъ. Честь и слава Кавказскимъ героямъ и орлу ихъ, начальнику генералу Юденичу. Они воскресили времена Измаила. На прочихъ фронтахъ въ эти дни шла перестрѣлка и дѣйствія развѣдочныхъ партій.

Въ то время какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи пудъ соли стоитъ 8 рубля, въ Крыму на соляныхъ промыслахъ лежатъ милліоны пудовъ и соль отдають по гривеннику за пудъ, а въ Новороссіи милліоны пудовъ пшеницы заполняютъ всѣ житницы съ цѣной за пудъ 1 р. 40 к. 90 процентовъ крупныхъ мельницъ въ Новороссіи принадлежатъ нѣмцамъ-колонистамъ.

5—7 февраля. Въ № 1381 „Вечерняго Времени“ напечатано:

„Передъ нами послѣдній полученный въ Москвѣ нумеръ издающейся въ Швейцаріи на нѣмецкомъ языкѣ газеты „Berner Tageblatt“. Выходить эта газета въ нейтральномъ Бернѣ, но политическій обликъ ея таковъ, будто она выходитъ въ Берлинѣ.

Очередная передовая статья этой германо-швейцарской газеты озаглавлена: „Русскіе голоса о мирѣ“ и посвящена статьямъ „дворянина Павлова“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“...

Смыслъ павловскихъ статей „Berner Tageblatt“ передаетъ въ слѣдующей формѣ:

„Было бы гораздо желательнѣе, чтобы побѣдила Германія, чѣмъ появленіе у власти прогрессистовъ, такъ какъ нынѣшняя война—результатъ ихъ панславистскихъ происковъ. Война съ Германіей была вообще, по мнѣнію Павлова, недопустима. Царской Россіи надлежало бы искать дружбы Германіи и быть ей благодарной за то, что въ смутные 1905—1906 гг. она выразила готовность ввести въ Россію свои войска, чтобы придти русскому правительству на помощь въ борьбѣ его съ революціей“.

Петроградскому обывателю кажется, что комментаріи къ этому излишни.

На Кавказѣ наши войска энергично преслѣдуютъ турокъ. На остальныхъ фронтахъ перестрѣлка и развѣдки.

Англійскія газеты сообщаютъ, что германцы поведутъ рѣшительное наступленіе на западномъ фронтѣ.

8 февраля. Передаютъ, что плѣнные на „Магдебургѣ“, германскіе матросы рассказывали о томъ, что мобилизація германскаго флота была закончена задолго до начала войны, и, что когда французская эскадра, сопровождавшая президента Французской республики, проходила проливы Бельтовъ, послѣ визита въ Россію, то германскій крейсеръ „Магдебургъ“ встрѣтилъ эту эскадру въ полной боевой готовности.

9—10 февраля. Девятаго февраля присутствовалъ на событіи высокой государственной важности: Государь Императоръ посѣтилъ въ первый разъ Государственную Думу и молился вмѣстѣ съ избранниками народа.

Въ кругломъ залѣ Таврическаго Дворца къ 12 часамъ дня уже все было готово для молебствія и залъ былъ наполненъ депутатами, многими членами Государственнаго Совѣта и всѣмъ Совѣтомъ Министровъ. Присутствовали также послы союзныхъ державъ, а хоры были переполнены публикой. У входа въ Таврическій Дворецъ раздалось восторженное ура, подхваченное во всѣхъ залахъ. Въ залъ вошелъ Государь Императоръ въ сопровожденіи Великаго Князя Михаила Александровича, предсѣдателя Государственной Думы и небольшой свиты. Государь остановился передъ аналоемъ; ура смолкло. Величавымъ пѣснопѣніемъ „съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ“,—началось молебствіе. Особое воодушевленіе охватило всѣхъ, когда пѣвчіе начали—„Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое — Побѣды Благовѣрному Государю нашему Императору Николаю Александровичу на супротивныя даруй“. Эту молитву подхватили, какъ одинъ человѣкъ, всѣ присутствующіе и долго долго звучала она. Дружно присоединился весь залъ къ Царскому многолѣтію и особенно благоговѣнно зазвучала „вѣчная память“, когда Царь и избранники народа опустили на колѣни.

Послѣ молебна Его Величество бесѣдовалъ съ предсѣдателемъ Государственной Думы, послами союзныхъ державъ, а затѣмъ, обратясь къ представителямъ народа, сказалъ:

„Мнѣ отрадно было вмѣстѣ съ вами вознести Господу Богу благодарственныя молитвы за дарованную Имъ нашей дорогой Россіи и нашей доблестной арміи на Кавказѣ славную побѣду.

Счастливы также находиться посреди вѣрнаго Моего народа, представителями котораго вы здѣсь являетесь.

Призывая благословеніе Божіе на предстоящіе вамъ труды, въ особенности въ такую тяжкую годину, твердо вѣрую, что всѣ вы и каждый изъ васъ внесете въ основу отвѣтственной передъ Родиной и Мною вашей работы весь свой опытъ, все свое знаніе мѣстныхъ условій и всю свою горячую любовь къ нашему отечеству, руководствуясь исключительно ею въ трудахъ своихъ.

Любовь эта всегда будетъ помогать вамъ и служить путеводною звѣздою въ исполненіи вами долга передъ Родиной и Мною.

Отъ всей души желаю Государственной Думѣ плодотворныхъ трудовъ и всякаго успѣха“.

Громовое „ура“ покрыло слова Государя.

Предсѣдатель Государственной Думы, голосомъ, въ которомъ отражалось настроеніе переживаемой исторической минуты, привѣтствовалъ Царя слѣдующими словами:

„Ваше Императорское Величество. Глубоко и радостно взволнованные, мы всѣ вѣрноподанные ваши члены Государственной Думы, внимали знаменательнымъ словамъ своего Государя.

Какая радость намъ, какое счастье! нашъ русскій Царь здѣсь среди насъ.

Великій Государь. Въ тяжкую годину еще сильнѣе закрѣпили Вы сегодня то единеніе Ваше съ вѣрнымъ своимъ народомъ, которое насъ выведетъ на вѣрную стезю побѣды.

Да благословить Васъ Господь Всевышній.

Да здравствуетъ великій Государь всея Руси“.

„Ура“ вновь гремитъ послѣ словъ М. В. Родзянко, затѣмъ изъ этого хаоса звуковъ вырастаетъ стройная гармонія народнаго гимна, подхваченная всѣми присутствующими. Вновь гремитъ „ура“.

М. В. Родзянко дѣлаетъ знакъ депутатамъ, и они устремляются въ залъ засѣданій на свои мѣста.

Его Величество, сопровождаемый предсѣдателемъ Государственной Думы, появляется въ залъ засѣданій, войдя черезъ средній входъ для депутатовъ, встрѣченный громовымъ „ура“, подъ громкое „ура“ проходитъ черезъ весь залъ между депутатскими скамьями, останавливается впереди предсѣдательскаго мѣста и, обернувшись лицомъ къ залу, милостиво отвѣчаетъ на восторженные привѣтствія, несущіяся съ депутатскихъ скамей, изъ ложъ для публики и дипломатическаго корпуса.

Изъ зала засѣданій Государь прослѣдовалъ въ находящійся рядомъ полуциркульный залъ, гдѣ внесъ свое имя въ „золотую“ книгу Государственной Думы, куда собственноручно вписываютъ свои имена Августѣйшіе гости законодательной палаты.

Изъ полуциркульнаго зала Государь Императоръ прослѣдовалъ черезъ стенографическій отдѣлъ, гдѣ находились чины канцеляріи Государственной Думы, удостоивъ

нѣкоторыхъ изъ нихъ въ военной формѣ и съ боевыми знаками отличія милостивыхъ разспросовъ. Далѣе, окруженный депутатами, черезъ Екатерининскій залъ Государь прослѣдовалъ къ выходу, и уже въ дверяхъ дворца еще разъ, прощаясь съ депутатами, пожелалъ имъ успѣха въ законодательныхъ трудахъ.

Депутаты хлынули толпою на подъездъ Думы, и Царскій автомобиль отъѣхалъ отъ подъезда Таврическаго дворца подъ громовое „ура“¹⁾.

Великій князь Михаилъ Александровичъ остался въ Таврическомъ дворцѣ, и остался на засѣданіе Думы въ ложѣ Высочайшихъ Особъ. Затѣмъ засѣданіе было открыто рѣчью Предсѣдателя Государственной Думы, за которой послѣдовали рѣчи Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Военнаго и Морского Министровъ и Министра Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ Москвѣ началась борьба съ всенѣмецкимъ союзомъ. По словамъ „Вечерняго Времени“²⁾:

„Въ Москвѣ особое объ обществахъ присутствіе постановило закрыть восемь нѣмецкихъ обществъ. Будутъ закрыты: московское нѣмецкое общество торговыхъ служащихъ, общество взаимопомощи нѣмцамъ-иностранцамъ, живущимъ въ Москвѣ, московское общество нѣмцевъ въ Россіи, общество нѣмцевъ-католиковъ, об-во „нѣмецкая группа союза 17 октября“, московское отдѣленіе рижскаго евангелическаго общества воздержанія и спасенія, московское нѣмецкое общество и московское общество квартетнаго пѣнія „Лидертафель“.

11 февраля. Вотъ каково, по словамъ корреспондента³⁾, описаніе праведной кончины одного изъ нашихъ сѣрыхъ героев:

— „Вотъ и все“, — какъ-то просто проговорилъ Карпуша-весельчакъ, какъ прозвали солдаты канонира Карпова, когда фельдшеръ, осмотрѣвъ его, привелъ въ сознаніе, вливъ сквозь зажатые зубы какія-то капли.

Было затишье, два-три снаряда не больше, да и то не каждый день, посылали къ намъ нѣмецъ и, какъ разъ

¹⁾ „Нов. Вр.“ 10 февр. 1916 г.

²⁾ „Веч. Вр.“ 10 февр. с. г.

³⁾ „Нов. Вр.“ 11 февр. с. г.

одинъ изъ этихъ снарядовъ угодили въ обширную полу-батареиную землянку, и нужно же было, чтобы кусокъ стекла ударилъ въ животъ мирно игравшаго въ шашки каюта Карпова и глубоко воцарился въ его тѣло.

— Носилки!—коротко приказалъ фельдшеръ и махнулъ рукой.

И этотъ безнадежный замахъ рукой показалъ всѣмъ, что для Карпуши все кончено.

Самъ Карпуша, видимо, повялъ это еще раньше: онъ лежалъ ничкомъ на соломѣ, тихо, беззвучно, но когда до него донеслось слово „носилки“, онъ вдругъ заворочался, застоналъ.

— Братцы, не надо носилокъ, здѣсь бы помереть лучше.

Всѣ взглянули на фельдшера, но тотъ сконфуженно проговорилъ:

— Я не докторъ...

Быстро вошелъ въ землянку командиръ батареи въ сопровожденіи фельдфебеля.

— Ну, что?—обратился онъ къ фельдшеру.

— Готовъ, ваше в-іе. Весь животъ разворотило.

Командиръ сѣлъ на солому рядомъ съ раненымъ. Несчастный открылъ глаза, увидѣлъ командира, хотѣлъ приподняться, но тотъ ему не далъ, положилъ руку на голову и сказалъ:

— Ты смотри, какъ поправишься. отплати вѣмцу за это. Да не забудь напишку папшты, со вчерашняго дня бомбардиръ ты.

— Покорнѣйше благодарю, — прошепталъ Карповъ, — ваше в-іе, — молящимъ голосомъ вдругъ проговорилъ онъ, — а вы напишите домой, что я, какъ слѣдъ солдату, померъ.

— Да чего ты, — хотѣлъ было успокоить командиръ, но Карповъ такъ спокойно и моляще на него посмотрѣлъ, что стало понятно, что никакихъ утѣшеній не нужно.

— Конечно напишу, — не твердо проговорилъ онъ.

— Ваше в-іе, позвольте здѣсь умереть, вѣдь все, что родные, больше года вмѣстѣ жили.

Командиръ махнулъ рукой и отвернулся.

Кругомъ обступили нижніе чины. Карповъ обвелъ ихъ взглядомъ.

— Братцы, — говорилъ онъ, тяжело дыша, — простите меня, я кому что... и вы, Сидоръ Петровичъ, остановилъ онъ глаза на фельдфебелѣ.

— Господь съ тобой, примѣрный солдатъ былъ, нечего прощать-то.

— Вотъ только не въ бою меня,—Карповъ старался улыбнуться.—хлопнули. Не хорошо это.

— Какъ не въ бою, все равно, что бой...

— Вѣстимо, что въ бою,—заговорили солдаты.

— Такъ и домой напишуть, что въ бою? И лицо его оживилось.—Хорошо это!

И вдругъ онъ заговорилъ быстро, быстро.

— А вы его, братцы, раскатайте, вы братцы нѣмцу покажите... Въземлю русскую аалваъ... Ахъ ты! онъ закашлялся, приподнялся и снова унелъ на подушку.

Командиръ потихоньку всталъ и медленно направился къ выходу.

Священникъ, которому командиръ написалъ собственноручно записку съ просьбой пріѣхать,—не опоздалъ. Карпуша исповѣдывался долго и истово.

Когда священникъ вышелъ, то сказалъ, что Карповъ хотѣлъ бы со всѣми попрощаться. Много народу, почти вся батарея собралась вокругъ своего любимца.

— А что, братъ,—проговорилъ Карпуша, увидѣвъ другого батарейнаго весельчака—кашевара,—плати, братъ, пари—меня раньше хлопнуло.—Вотъ братцы, и, отвоевалъ. А я думалъ, что помирать страшнѣе.

Эти были его послѣднія слова. Началась агонія, и, не приходя въ сознаніе, Карпуша умеръ. Не стало бомбардира Карпова.

Благодаря затишью, его хоронили какъ слѣдуетъ, и высокій крѣпкій крестъ, видимый и съ шоссе и съ полотна желѣзной дороги, указываетъ на мѣсто его вѣчнаго отдыха.

---

12 февраля. Въ районѣ Вердена развивается атака нѣмцевъ, которые бомбардируютъ крупными орудіями фронтъ въ 40 километровъ.

В. М. Пуришкевичъ сегодня въ Государственной Думѣ сказалъ:

Развѣ нормально, что въ то время, когда наши братья исходятъ кровью, въ это время *здесь* внутри нельзя добиться и парализовать роста нѣмецкаго засилья и подпольнаго вліянія. (Шумные аплод.).

13 февраля. Германцы сосредоточили у Вердена чудовищную артиллерию. Посылаютъ массы пѣхоты въ атаку, которая несетъ большія потери. Французы отошли на два километра.

Генераль Куропаткинъ назначенъ главнокомандующимъ арміями сѣвернаго фронта.

По словамъ бѣженцевъ изъ Митавы, въ этомъ городѣ германскими офицерами и мѣстными баронами устраиваются форменныя вакханаліи; хотя жителей мало, но жепшиятъ сколько угодно. Пьянство въ городѣ ужасающее.

14 февраля. Въ „Новомъ Времени“ помѣщена интересная статья Антонова о будущемъ иностранныхъ капиталовъ въ Россіи.

„Передъ обновленной Россіей, послѣ окончанія великой войны, встанетъ важная задача объ иностранныхъ капиталахъ. Какъ мы слышали, уже въ настоящую пору вопросъ этотъ разсматривается вѣдомствами, будетъ поставленъ на обсужденіе экономического совѣщанія и выразится въ одномъ изъ тезисовъ для предстоящихъ за границей конференцій союзниковъ.

Иностранные капиталы на русской почвѣ, въ промышленности—оружіе обоюдоострое. Прежде всего нельзя, конечно, не согласиться, что наша страна, богатая естественными возможностями, бѣдна капиталами. И поэтому притокъ иностранныхъ денегъ желателенъ для подъема промышленности и сугубо важенъ будетъ послѣ войны, когда придется усиленно возстановлять затраченное и создавать новыя цѣнности.

Однако уже изъ недавняго прошлаго и переживаемаго нынѣ можно сдѣлать выводъ, какъ опасны бываютъ иностранные капиталы. Нѣмцы особенно энергично оживляли нашу промышленность. И они достигли того, что по ихъ директивамъ, для ихъ выгодъ и цѣлей работали громадныя отрасли нашего производства. *Металлургия*, химическое дѣло, электротехника, добываніе минераловъ, страховое дѣло и проч.—все находилось въ рукахъ нѣмцевъ прямо или же посредствомъ, путемъ финансированія черезъ кредит-

ныя учрежденія. Разразилась военная гроза, и русскому правительству пришлось всюду внутри страны встрѣчаться съ паутиной хитраго врага, глубоко внѣдрившагося въ тѣло народнаго хозяйства. Получались трагическія положенія. Такъ, ту самую руду, которую нѣмецъ вывозилъ отъ насъ подъ аплодисменты нѣкоторыхъ политикановъ, во время войны Германія вернула Россіи въ видѣ снарядовъ да еще со штемпелемъ одной изъ нѣмецкихъ фирмъ, оперирующей и въ Россіи въ качествѣ нѣмецкаго филиала...

Во всякомъ случаѣ можно, кажется, уже было убѣдиться, что иностранный, въ данномъ случаѣ нѣмецкій, капиталъ очень опасенъ для государственныхъ и экономическихъ интересовъ, если онъ оказывается господствующимъ, дающимъ директивы въ промышленной жизни. Думается, отъ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ исходить. Мы можемъ привѣтствовать притокъ средствъ извнѣ въ вашу хозяйственную жизнь. Мы должны не только сказать: „добро пожаловать“ капиталу-гостю, но и облегчить его водвореніе къ намъ, избавивъ живую жизнь отъ ряда стѣсненій, формальностей, убивающихъ все живое и отпугивающихъ иноземца отъ русской почвы. Однако, капиталъ, проникающій въ русское хозяйство, долженъ остаться гостемъ, а не становиться господиномъ страны. Служебную роль иностраннаго капитала надо привѣтствовать. Иностранный капиталъ долженъ быть гарантированъ справедливыми и удобными нормами гражданскаго оборота, онъ долженъ получать свою прибыль и можетъ участвовать въ управленіи своими средствами. Но руководящая, главенствующая роль должна остаться за русскими интересами, за хозяевами страны. Это требованіе столь важно для будущности государства, что не слѣдуетъ останавливаться передъ ясно выраженнымъ правительственнымъ контролемъ надъ предпріятіями, въ которыхъ участвуютъ иностранныя средства. Пусть государственная власть зорко слѣдитъ за самостоятельностью русской хозяйственной жизни и вспоминаетъ ужасы, которые пришлось пережить народу благодаря зависимости отъ нѣмцевъ...”

Въ воспоминаніяхъ одного дипломата, провѣренныхъ тщательно документами, приведенъ интересный фактъ о томъ, какъ во время оно Баттенбергъ въ Болгаріи просилъ объ отозваніи генерала Паренсова, бывшаго тогда воен-

пямъ министромъ Болгаріи, и замѣщеніи его другимъ генераломъ, все равно какимъ, *лишь бы онъ былъ уроженцемъ Прибалтійскихъ губерній*. Прибалтійца не пашли, а обрѣли финляндца въ лицѣ генерала Эрврата, который совершилъ въ Болгаріи переворотъ и на семь лѣтъ передалъ страну въ руки нѣмецкаго лейтенанта.

У Вердена упорные бои продолжаются къ востоку и западу отъ Мааса и особенно упорно у форта Дуомонъ.

15 фѣврля. Яростныя атаки нѣмцевъ у Вердена отбиты. Французы производятъ энергичныя контръ-атаки.

Разсказываютъ, что въ Москвѣ появилась масса молодыхъ, расфранченныхъ дамъ, которыя содѣлываютъ по-ставкамъ.

Въ то самое время, когда германцы производятъ яростныя атаки на Верденъ, инспирированная нѣмцами пейтральная печать трубитъ во все трубы, что происходитъ усиленная перевозка германскихъ войскъ съ западнаго фронта на восточный. Приводимъ этотъ фактъ въ назиданіе нѣкоторымъ заячьимъ душамъ о томъ, какъ слѣдуетъ довѣрять фабрику наглої лжи Германіи.

Въ „Русскомъ Словѣ“ ¹⁾ приведена интересная статья князя Евг. Трубецкого по вопросу объ антигерманской экономической коалиціи.

„Поднятый профессоромъ І. М. Гольдштейномъ вопросъ о будущихъ нашихъ экономическихъ отношеніяхъ съ Германіей долженъ быть обсуждаемъ уже теперь. Иначе наша неподготовленность къ миру можетъ причинить намъ новыя тяжкія бѣдствія въ дополненіе къ тѣмъ, которыя были вызваны нашею неподготовленностью къ войнѣ.

„Антигерманская экономическая коалиція“, о которой говоритъ почтенный ученый, нужна намъ не только для цѣлей экономическихъ, но и въ цѣляхъ нашей государственной обороны. И это по той простой причинѣ, что нѣмецкая фабрика, противъ которой мы вынуждены бороться,

¹⁾ „Русск. Сл.“ 14 янв. с. г.

представляетъ для насъ опасность не только экономическую, но и военную.

Нынѣшняя война доказала, что нѣмецкая фабрика вовсе не есть только пассивное орудіе производства! Мы видимъ, съ какою легкостью въ военное время она превращается въ орудіе войны. Лозунгъ „все для войны“, открыто провозглашенный нашимъ врагомъ послѣ начала военныхъ дѣйствій, на самомъ дѣлѣ былъ руководящимъ началомъ внутренней политики Германіи уже въ теченіе тѣхъ десятковъ лѣтъ, когда она только готовилась къ войнѣ на два фронта. Несудивительно, что къ цѣли войны была заранее приспособлена вся нѣмецкая промышленность. Отсюда — двойное назначеніе и двойная функція каждой нѣмецкой фабрики: въ мирное время она забрасываетъ нашъ рынокъ дешевыми товарами, въ военное время она становится филиальнымъ отдѣленіемъ завода Круппа и забрасываетъ насъ снарядами или же готовитъ для германской арміи какіе-либо иные предметы военного снаряженія.

Этимъ еще не исчерпываются тѣ опасности, коими грозить намъ развитіе германской промышленности. Оно создаетъ не только орудія войны, но и поводы къ новымъ войнамъ. Германская империалистическая публицистика открыто заявляетъ, что именно подъемъ нѣмецкой промышленности дѣлаетъ необходимымъ расширеніе нѣмецкой территоріи и пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ. Стало-быть, именно ростъ промышленности является побужденіемъ къ новымъ завоеваніямъ.

Въ извѣстной брошюрѣ Рорбаха: „Война и германская политика“ есть любопытное указаніе на то, что подъемъ нѣмецкой промышленности почти совершенно остановилъ нѣмецкую колонизацію въ Америку, дотолѣ выражавшуюся въ весьма крупныхъ цифрахъ. Ростъ промышленности увеличилъ спросъ на рабочія руки и тѣмъ самымъ усилилъ ростъ населенія. А для прокормленія растущаго населенія потребовались новыя территоріи. Настоящая война, поставившая Германію передъ опасностью голодной смерти, наглядно доказала необходимость новыхъ завоеваній хотя бы въ цѣляхъ предотвращенія этой опасности въ будущемъ, когда нѣмецкое населеніе еще увеличится.

Новыя территоріальныя пріобрѣтенія Германіи въ Европѣ могутъ совершаться только за нашъ счетъ. И такъ какъ нѣмецкая фабрика является въ одно и то же время и орудіемъ, и стимуломъ всей этой завоевательной міровой поли-

тики сосѣдной имперіи, мы должны понять, что мы имѣемъ въ ней заклятаго и непримиримаго врага.

Намъ предстоитъ борьба не на жизнь, а на смерть противъ нѣмецкой промышленности. Мы должны помнить, что, покупая нѣмецкій товаръ, мы сами растимъ ту германскую военную мощь, которая потомъ обратится противъ насъ. Нашъ національный интересъ заставляетъ насъ желать такого сокращенія роста германской промышленности, при которомъ отливъ рабочихъ рукъ и возобновленіе нѣмецкой колонизаціи въ заокеанскія страны вновь станетъ неизбежнымъ. Усиленный ростъ населенія Россіи и одновременная остановка или ослабленіе роста населенія въ Германіи, подъемъ русской промышленности за счетъ промышленности германской,—вотъ что намъ нужно въ интересахъ нашей безопасности.

Возможно большее вытѣсненіе германскаго товара съ русскаго рынка,—такова та цѣль, которая должна быть поставлена, какъ руководящее начало нашей будущей торговой политики. Пусть экономисты и финансисты укажутъ намъ предѣлы достижимости этой цѣли и способы ея достиженія. Моя задача здѣсь заключается въ томъ, чтобы подчеркнуть необходимость самой цѣли и въ дополненіе къ экономическимъ соображеніямъ І. М. Гольдштейна обосновать ее доводами политическими.

Въ связи съ этимъ, намѣчаются двѣ другія задачи. Бережливое отношеніе къ нашей отечественной промышленности теперь диктуется одновременно съ борьбою противъ промышленности германской, какъ средство государственной обороны. Опытъ нынѣшней войны указалъ на огромныя преимущества въ военной технике страны промышленной передъ страной земледѣльческой. Если Россія останется навѣки только деревенскимъ, „мужицкимъ“ государствомъ, то, рано или поздно, ее ждутъ въ будущемъ новыя тяжкія испытанія. И шансы на побѣду могутъ быть менѣе благоприятны, чѣмъ въ нынѣшнюю войну, когда педочеты нашей промышленности пополняются содѣйствіемъ промышленности иностранной. Могущество русской деревни должно быть восполнено ростомъ русской промышленности. Только при этомъ условіи наши границы могутъ быть безопасны противъ иностраннаго вторженія.

Какъ разъ послѣ этой войны у насъ неизбежно должны сложиться условія, благоприятныя для промышленнаго подъема. Покупательная способность русской деревни

должна необычайно возрасти вслѣдствіе воспрещенія водки. Важно, чтобы вытекающимъ отсюда усиленіемъ спроса на фабрикаты воспользовалась въ первую голову именно русская промышленность, которой наше таможенное законодательство должно придти на помощь. Но разъ русская промышленность не можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ русскаго рынка, и иностраннѣй ввозъ поэтому неизбеженъ,—намъ далеко не безразлично, кто именно, другъ или недругъ, будетъ ввозить къ намъ свои товары. Вотъ почему та антигерманская экономическая коалиція, о которой говоритъ І. М. Гольдштейнъ, дѣйствительно указывается намъ силою необходимости. Германія должна быть, насколько это возможно, замѣнена на нашемъ рынкѣ нашими союзниками. Изысканіе способовъ достигнуть этой цѣли должно отнынѣ составить одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашихъ экономистовъ и финансистовъ.

Мысль о томъ, что нынѣшняя война будетъ послѣдней, должна быть оставлена, какъ утопическая мечта. Какъ бы эта война ни кончилась,—во всякомъ случаѣ, обѣ стороны могутъ мечтать лишь о сокрушеніи, а не объ уничтоженіи противника. Ни той, ни другой сторонѣ не удастся достигнуть полнаго осуществленія своихъ національныхъ идеаловъ. А при этихъ условіяхъ весьма возможно, что нынѣшняя гроза окажется началомъ цѣлаго грозоваго періода всемірной исторіи, сила и продолжительность котораго въ настоящее время не поддаются точнымъ измѣреніямъ или предсказаніямъ.

Вѣренъ или невѣренъ слухъ, будто въ Германіи уже возникла „лига будущей войны“,—во всякомъ случаѣ, Россія должна готовиться ко всякимъ случайностямъ. И съ этой точки зрѣнія она должна обдумать свои будущія торговля отношенія съ Германіей. Было бы большою ошибкой, если бы ради мимолетныхъ матеріальныхъ выгодъ мы пожертвовали насущными интересами государственной обороны. „Соблазнъ дешеваго нѣмецкаго товара, безо всякаго сомнѣнія, одинъ изъ тѣхъ, коихъ намъ слѣдуетъ всего больше остерегаться“.

Дѣятельность нашихъ войскъ съ 9-го включительно по 18-ое февраля происходила слѣдующимъ образомъ: за исключеніемъ кавказскаго на прочихъ нашихъ фронтахъ происходила артиллерійская и ружейная перестрѣлка,

миная война, столкновения развѣдочныхъ партій, а также развѣдка и бомбометаніе аэроплановъ.

На кавказскомъ фронтѣ, послѣ штурма твердыцъ Эрзерума, расположенныхъ на сорокаверстовомъ фронтѣ, съ захватомъ около 13 тыс. плѣнныхъ и 323 орудій, остальное все турецкое воинство бѣжало, при чемъ въ 3 дивизионныхъ турецкихъ корпусахъ осталось лишь около 3—5 тысячъ.

Кавказскіе орлы, предводимые генераломъ Юденичемъ, въ высокой степени энергично преслѣдовали турокъ, зачастую по грудь въ снѣгу по всему кавказскому фронту, при чемъ нами взяты города Испиръ, Кашанъ и Керманшахъ.

Слышалъ такія іереміады російскихъ нѣмцевъ: „конечно, мы русскіе подданные и не желаемъ Россіи зла. Но гдѣ бы мы ни были, у насъ все-таки кровь нѣмецкая и намъ жаль нѣмцевъ“.

В. П.

